

Александр Тавер

Эскизы

---

*Написано пером
Санкт-Петербург
2015*

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Т13

Редактор: В. Чернышев
Корректор: А. Семенова
Художница: А. Тарасова
Оригинал-макет: А. Чаргазия

Тавер Александр
Т13 Эскизы. Сборник/ Александр Тавер — С-Петербург:
ООО «Написано пером», 2015. — 188 с.

Всесильный Император, отвратительный тиран, подавляющий свободу общества и отдельной личности, самодур, которому позволено все, приглашает на завтрак двух единственных своих врагов в государстве, потому что все остальные либо в страхе и трепете не смеют сказать ни одного слова против, либо сладострастно и подобоострастно славословят тирана. Итак, за завтраком он беседует со своими врагами, выслушивает от них язвительные и ненавидящие его замечания и пожелания вернуть народу свободу, влюбляется в прекрасную женщину, посвятившую свою жизнь борьбе с тиранией, заключает невероятное пари... Итак, своеволие диктатора; любовь к женщине; ненависть к тирании; любовь к свободе... что победит?

И самое удивительное состоит в том, что все ожидания читателя оказываются обманутыми, что всё совсем не так, как можно было предположить.

Победила любовь... какая?

Но об вы узнаете, прочитав данный сборник...

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-00071-395-2

© Александр Тавер, 2015
© Издательство «Написано пером», 2015

Эскизы

Замёрзшие

– Я что, сошёл с ума?

– Нет, – отозвался незванный гость раздражённым фальцетом. – Тебе не показалось. Какой-то крылатый мужик в чёрном балахоне действительно шарится в твоём холодильнике прямо с утра.

– А ты...

– Да, ангел смерти, – не меняя тона, пискнул он и углубился в созерцание извлечённой из холодильника банки рыбных консервов. – Хмм... Здесь явно делать нечего.

Его красивое лицо приняло выражение одновременно скорбное и брезгливое. Он водворил банку на место и с явным отвращением вытянул двумя пальцами очередную упаковку.

– А...

– Нет, не за тобой, – отрезал ангел. – Ещё дурацкие вопросы есть?

От сердца немного отлегло.

– Ты голодный, да? Ты мясо не ешь? – смелая, спросил я.

Вопросы застали ангела врасплох. Вздвогнув от неожиданности, он выронил ветчину, которую нацелился было вернуть на полку, и впервые посмотрел на меня. Лицо его выражало замешательство и в то же время решимость стойко перенести общение с этим идиотом.

– Там где-то... йогурт стоял... – пролепетал я, – ещё свежий.

Не найдя что ответить, он лишь сокрушённо покачал головой и снова нырнул в холодильник. Пока я

соображал, что делать дальше, доносившиеся до меня шуршание и хруст упаковок прервались металлическим лязгом.

– Вот оно! – торжественно провозгласил ангел и извлек изгвазданную потёками супа кастрюлю.

– Э... ты осторожнее. Оно, кажись, давно испортилось.

– Испортилось... – передразнил он, заглядывая под крышку. – Месяц назад ты поленился мыть кастрюлю и сунул её в холодильник. А о том, что в ней поселилось, ты подумал? Не все виды плесени устойчивы к холоду!

Он водрузил кастрюлю на стол и проделал над ней пассы, словно сгребая нечто невидимое в кучку, после чего зачерпнул его двумя руками как песок. Бережно прижав к груди сложенные ковшиком ладони с добычей, он некоторое время с укоризной смотрел на меня, после чего плавно расточился в воздухе.

Душа музыканта

– Послушай. Я назвал это “Песня искушения”.

Гитарист поднял голову и посмотрел на застывшую над перекрёстком луну. Закрыв глаза. Искусные пальцы скользнули по струнам, и нежнейшая мелодия заструилась в ночь. Она ласкала слух, манила, исподволь просачиваясь в душу и щекоча в глубине её нечто забытое, брошенное, отчего хотелось не то воспарить к небесам, не то разрыдаться.

Мироздание тихо распалось на две неравные части – Вселенную и место, где звучала мелодия. Тому, кто по счастливой случайности оказался во второй, хотелось восторженно броситься к ногам гитариста и пообещать исполнить любое его желание, лишь бы музыка не умолкала, продлевая существование этого прекрасного маленького мирка.

Сколько это длилось? Минуту? Пять? Смолкли сверчки. Несколько пролетавших мимо ночных птиц сбились с курса и остались бесшумно кружить неподалеку.

Потом наступила тишина. Вселенная ревниво вернулась обратно на перекрёсток, преследуя затихающие звуки. Музыкант посидел ещё немного не шевелясь и вдруг взорвался движением, вскочил во весь рост, развернувшись к темному силуэту в полдюжине шагов от него.

– Ну, как тебе?

– Великолепно!

– Так, значит, теперь ты готов купить мою душу?

– Нет!

Гитарист сделал глубокий вдох и со свистом выдохнул сквозь сжатые зубы. Он поколебался ещё мгновение и вдруг заорал так, что кружившие над перекрёстком птицы испуганно шархнулись в разные стороны и исчезли в ночи:

– Да пошёл ты со своим договором! Фиг тебе душа и фиг тебе подпись! Ты целый год мне голову морочил. Я тебе полста мелодий принес, а ты всё торгуешься! Считай, что я передумал.

– Дело твоё, – буркнули из темноты. – Изменишь решение – приходи.

– И не подумую! Может, мои сочинения слишком плохи для Сатаны, но людям нравится. Набрэнчу пару альбомов – может, хоть денег срублю.

– Удачи, – прошептала темнота в спину уходящему музыканту.

Стефан желал удачи вполне искренне. Парень был талантлив неимоверно, однако наотрез отказывался это замечать. Их первая встреча состоялась год назад. Один, наслушавшись суеверных баек, явился в полночь на перекресток, чтобы отдать душу Сатане в обмен на музыкальный талант, второй поджидал неосторожного путника, чтобы обчистить его карманы. Стефан тоже был знаком с легендой, и шутки ради решил подыграть. Пусть ныне спившийся, в своё время он был недурным актером, а история показалась ему забавной.

Парень играл отвратительно, но старался изо всех сил. Когда “Сатана” отказался совершить сделку под предлогом негодности товара, тот пообещал явиться на следующей неделе и переубедить его. У него, разумеется, ничего не вышло, но он упорно возвращался каждую полночь с пятницы на субботу, принося новые композиции.

Из паршивых его произведения сделались сносными, потом талантливыми и, наконец, гениальными.

Стефан стал с нетерпением ждать каждой следующей попытки. Даже пить случайно бросил. Сначала перестал принимать за день до встречи, чтобы случайно ее не пропустить. Потом как-то незаметно привык обходиться без горькой.

Парень проявил завидное упрямство. Его хватило на год с небольшим. За это время талант его расцвел и окреп, но он так и не заметил этого.

– Сколько усилий нужно приложить, чтобы пустить пыль в глаза Сатане? – бормотал Стефан, направляясь к себе в берлогу. – Ровно столько же, сколько нужно, чтобы добиться всего самому. Остается только надеяться, что однажды ты и сам это поймешь. А я... Пожалуй, сегодня я всё-таки напьюсь.

Юбилей негодяя

День рождения подходил к концу. Следуя давней традиции, Мэт уединился с последним из участников торжества у себя в кабинете.

Сигара, коньяк и задушевная беседа – что может быть лучшим завершением столь важного события, как день рождения? Особенно если это юбилей.

Гость от сигары отказался, но к коньяку проявил живейший интерес. Мэт понимающе кивнул: он хорошо помнил себя в этом возрасте. Курить он начал после тридцати.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Надо же... А мне уже семьдесят. Представляешь?

Его собеседник мыслил совсем другими категориями. Он пожал плечами и нетерпеливо потянулся к стопке:

– Твое здоровье! ... У-ух... Хорош! Ну-ка, ну-ка...

Он повернул бутылку этикеткой к себе, присмотрелся и восторженно воззрился на Мэта.

– Ну, старик... Если ты можешь позволить себе такое, то с деньгами у тебя и впрямь полный порядок. Пожалуйста, даже избыток.

– Закусывай давай, ценитель, – усмехнулся Мэт.

Но тот лишь беспечно отмахнулся:

– Да всё равно уже. Сегодня определённо твой день, так что щадить печень бессмысленно. Скажи лучше, ты и впрямь тот самый Мэт Первый?

– Тот самый.

– Получается, ты пережил ровно пятьдесят вот таких дней рождения. Силён!

– Стимул, дружище, – сказал Мэт, заново наполняя стопки. – Все дело в стимуле! Ты ведь ещё толком не знаешь, каково это – ежегодно держать ответ перед самим собой. Вести обратный отсчет до дня рождения, который ты сам превратил в судилище. И судей с каждым разом всё больше...

– По-моему, это была гениальная идея. Посмотри, что вышло: год за годом ты становился всё влиятельнее, богаче, умнее. Ты решаешь судьбы целых государств, а твои изобретения перевернули мир...

Увидев выражение лица Мэта, он осекся и уже тише, без воодушевления спросил:

– Что-то пошло не так, да?

Мэт ещё какое-то время мрачно смотрел на него, потом со вздохом произнес:

– Давай лучше выпьем.

***

Пятьдесят два года назад он, будучи амбициозным юным дарованием, замыслил весьма рискованный, но многообещающий проект. Полтора года молодой человек покупал, выменивал, а зачастую просто воровал детали. Потом добавил от себя пару-тройку полезных модулей, и в результате обзавёлся единственной в своем роде нелегальной установкой для клонирования.

Двадцатилетний Мэт был осторожен и рассудителен. Он не желал ни огласки, ни ученых степеней, ни признания. Он желал денег и власти. Размениваться по мелочам было не в его характере, поэтому Мэт сразу решил стать самым богатым и влиятельным человеком в мире. Прекрасно понимая, что на это понадобится много лет, он хотел твёрдых гарантий того, что не отклонится от выбранного курса.

Так родился обычай снимать с себя копию на следующий день после дня рождения. Через год на основе электронных копий создавались клоны – по одному за каждый прожитый год – и собирались сначала на какой-нибудь вилле, подальше от глаз, а позже, когда у Мэта завёлся дворец – в банкетной зале.

Остаться должен был только самый лучший. Тот, кто, по общему мнению, превосходил остальных во всём. Отсев шёл весьма разнообразно. Были тут и дебаты, после которых проигравший уничтожался, и импровизированные судилища, и откровенные убийства. Результат же разнообразием не баловал: всякий раз выживал именно он, Мэт Первый.

Предполагалось, что необходимость держать ответ перед самим собой и желание выжить не дадут Мэту сбиться с выбранного курса. Какое-то время идея действительно казалась ему гениальной...

– Цена, парень! Ты даже представить не можешь, как я за это расплачиваюсь. Ты хоть знаешь, каково это – прожить полвека в страхе перед самим собой? И ещё...

Мэт сделал паузу, чтобы проглотить коньяк, и продолжил, уже тише, почти шёпотом:

– Я убивал себя больше тысячи двухсот раз. В половине случаев – собственноручно.

– Ну да, – понимающе кивнул молодой Мэт. – Прекратить всю эту канитель с ежегодными оживлениями ты тоже не мог, поскольку это равносильно признанию поражения. Не тот характер. Я всё правильно рассчитал.

– Ну и мерзавец же ты, дружище, – грустно усмехнулся Мэт.

– Ты тоже. И ещё ты молодчина. Всё сделал в точности, как я мечтал. Мне остаётся только признать свое поражение и...

– Погоди. У меня есть идея получше. Я, видишь ли, выдохся от этой гонки окончательно. Следующего года в прежнем темпе мне не выдержать хотя бы потому, что мне всё это осточертело. Я уже давно подумывал о том, что пришло время передать все эти богатства и всё прочее какому-нибудь себе, да помоложе.

– То есть, мне? – юный Мэт почти совладал с голосом, однако восторженные нотки всё-таки прорвались.
– Ты серьёзно?

– Подумай сам: что может быть лучше, чем мои возможности в сочетании с твоими свежими силами и ясной головой? Да ещё и столь эффективный механизм контроля! За следующие полвека ты вполне сможешь стать повелителем всего мира. Сколь бы пафосно это ни звучало, при таких стартовых условиях вполне реализуемо... В чём дело?

– Я... Я уже принял яд, старина, – виновато потупившись, произнес младший.

– И я, – Мэт побледнел и медленно опустился в кресло.

Их взгляды встретились. Спокойные, без тени паники взгляды. Они умели принимать решения, не тратя времени на лишние эмоции.

– Какой яд? И где ты его успел добыть?

Младший кивнул на стеклянный шкафчик с препаратами, после чего достал из кармана пузырёк и продемонстрировал этикетку.

– Дрянь дело, – резюмировал Мэт. – Противоядие неизвестно. У тебя ещё около трех часов.

Младший уставился на него и вопросительно приподнял бровь.

– Я буду в сознании ещё сорок пять минут. Для противоядия слишком поздно: часть повреждений уже

необратима. Наш единственный шанс – это лаборатория. Ты ещё можешь придумать способ нейтрализовать эту дрянь. Гений ты или нет?

– Гений, – кисло улыбнулся Мэт-младший. – Пошли.

– Пошли. Я помогу, сколько смогу. Есть у меня там одна штуковина, уже несколько лет всё никак не соберусь до ума довести. Может, ты успеешь.

***

– Получилось! Теперь я не только сказочно богат, но и жив, – воскликнул Мэт-младший спустя два часа и сорок семь минут.

Увы, некому было разделить его восторг. Мэт Первый безжизненно обмяк в кресле. Ещё час назад у него прощупывался слабенький пульс, но не более того. С тех пор Мэт-младший его состоянием не интересовался: было некогда.

– Фильтр для крови. Убирает всё лишнее, подмешивает нужное, обновляет. Чуть ли не омолаживает.

– Надеюсь, что и омолаживает тоже. Не откажусь, – хихикнул за спиной Мэт Первый. – Всё-таки я... мы гении. И стимул, дружище! Правильно подобранный стимул – и вот, готова ещё одна вещица, которая сделает мир лучше, а меня богаче и уважаемей.

– Кажется, я начинаю догадываться, как ты пережил пятьдесят Дней Рождения, – усмехнулся младший, оборачиваясь.

– Правильно догадываешься. Мой способ стар, как демократические выборы. Выигрывает не достойнейший, а тот, кто лучше умеет выигрывать.

– Ну и мерзавец же ты, старина.

– Спасибо. Ты тоже, – сказал Мэт и выстрелил.

Криминисцениум

– Простите, у вас не найдётся пары монет взаймы? Мне только на автобус. Я ехал на ограбление, но потерял кошелёк.

Прохожий неодобрительно уставился на Никки, и тот почувствовал, как сердце проваливается в пятки. “Влип. Сейчас наступит”

– Нет, правда, мистер! Пожалуйста, назовите свой адрес, и сегодня же вечером я вам их верну, – зачистил он.

Взгляд мужчины, наконец, смягчился:

– Пойдём, подвезу. Мне как раз по пути.

Рассыпаясь в благодарностях, Никки устремился за своим спасителем. Покажись прохожему, что это попрошайничество или завуалированное вымогательство – до ближайшего полицейского сканера пара минут ходьбы. Состав преступления – вот он, в памяти, и любой судья за такое впаяет по полной.

– Я Эд, – сказал мужчина, когда они сели в машину, и помолчав, спросил: – Что, совсем худо?

– Говорю же: потерял последнее.

Никки не взял бы на себя риск просить взаймы на улице, если бы здоровье позволяло добраться до места самостоятельно, однако перспектива два-три часа идти с астмой вдоль дороги пугала его куда больше.

– И что, ни друзей, ни родных, чтобы помочь?

– Сирота, – впервые за все время разговора солгал Никки.

– Бросал бы ты это дело, – покачал головой водитель. – Видно же, что уже до ручки дошёл.

Никки не ответил. Нет смысла объясняться перед первым встречным. Он бросал несколько раз, но больше, чем на пару месяцев, его не хватало.

– Приехали, – машина остановилась перед входом в городской криминисцениум. – Доброй охоты!

– Спасибо, Эд...

***

Перед входом в криминисцениум опять толпились и шумели какие-то люди. Никки уже почти прошёл мимо них, когда дорогу ему заступила дама в плаще... То есть уже не в плаще, а не то голая, не то в одном белье. Он привычно обогнул её, не всматриваясь и не вчитываясь в то, что там было на ней написано флуоресцирующей краской.

Поняв, что эпатаж не удался, тётка извлекла откуда-то хлыст и принялась добросовестно себя бичевать с криками “Свободу!”, “Позор мясникам!” и прочими подобными же лозунгами. В толпе заплодировали. Никки обозвал её дурой и открыл дверь криминисцениума.

Дежурный на входе приветливо кивнул и покосился на сканер, после чего кивнул ещё раз: проходи.

– Эй, Ник! – крикнул он вслед. – Тебя опять облили краской. Вся спина красная.

– Вот стерва! – Никки завертелся перед мутным зеркалом в холле, пытаясь оценить ущерб.

– Да шучу я, шучу, – добродушно захохотал дежурный. – На прошлой неделе тут пара придурков развлекалась с краской, но их уже повязали за преднамеренный материальный ущерб. Увидишь – привет передавай.

Никки в двух словах объяснил ему, что думает о подобных шутках и направился к арсеналу. Выбрал пистолет.

– А ты сегодня серьезно настроен! – хмыкнул дежурный.

- Чтоб десять раз не ходить...
- Ну, удачи. Она тебе понадобится.

Никки пожал плечами и шагнул в лабиринт полутемных коридоров, залов и закоулков.

***

Почти у самого входа валялся пьяный. Никки перешагнул его, даже не поинтересовавшись содержимым карманов. С падалью пусть разбираются слабаки, а его эти гроши не интересуют. Дальше.

Лишь когда навстречу стали попадаться сравнительно хорошо одетые типы, Никки приступил к делу. Обобрал двоих. Потом еще одного. Уже не гроши, но ещё не деньги. Он углублялся в каменный лабиринт, отслеживая степень опасности по номерам домов.

Ближе к концу сороковых номеров навстречу попался некто рослый и смуглый, с толстенной золотой цепью на шее, пальцы в перстнях, на перстнях – камни. На поясе – ножны с каким-то жутким тесаком.

– Стоять! – негромко, но отчетливо произнёс Никки, наводя пистолет. – Золото, бумажник, часы выложи на землю и вали отсюда.

Вместо ответа клон без разбега прыгнул в его сторону. Нож непостижимым образом успел оказаться в его руке. Никки выстрелил.

Закончив собирать добычу, он не удержался и дал поверженному противнику пинка: золото теперь было перемазано кровью, а царапина от ножа противно саднила.

***

Остаток ночи он провел, курсируя между сороковыми и пятидесятыми номерами. Разобрался ещё с двумя, одного подстрелил, поучаствовал в паре избиений и

групповом изнасиловании, сбыл добычу скупщику и даже успел слегка набраться в автоматическом баре.

Около шести утра он, пошатываясь, выбрел к выходу. Пьяный мужик лежал там же, где и раньше. Мертвый, что ли? Никки стало любопытно. Тщательно прицелившись, он пнул лежащего в район печени. Тот застонал.

– Живой, значит, – удовлетворенно констатировал Никки и вышел в комнату с арсеналом.

– Стой, где стоишь, парень, – сказал дежурный, едва приметив его в дверях. – Надо убедиться, что тебя не переклинило. Слишком уж резво ты сегодня погулял.

Никки заволновался. Переклинило – значит увлекся и перестал различать границы дозволенного. В этом случае его нельзя выпускать в город, к людям, пока не придет в себя. Это с клонами можно делать что угодно, а начини он так вести себя с людьми – мигом снова окажется в криминисцениуме, но уже не в качестве охотника.

Есть такое специальное отделение, для блатных. Туда направляют всех осуждённых, служить добычей для тех, кому воровской кодекс позволяет работать только “по живому мясу”. Оттуда не возвращаются, а обрабатывают там долго, вдумчиво, со знанием дела. И даже по окончании процесса клоны осуждённых продолжают приносить пользу в роли добычи в общественном криминисцениуме.

***

Все сложилось почти случайно, после того, как законодатели додумались расставить жирные точки в ряде острейших социальных вопросов. Клон не является полноценным человеческим существом. У кого есть потребность в преступлении – пусть реализует её на бесправных болванах. За преступления против людей

– радикально жестокое наказание. Существующий криминалитет неисправим, но его можно употребить на пользу общества как фактор устрашения.

Изменения эти случились не одновременно, но вместе они привели к вырождению пенитенциарной системы в сеть поддерживаемых государством кримисцениумов. Производство клонов и “заправка” их деньгами оказались намного дешевле охраняемых тюрем, а количество преступлений людей против людей снизилось до нечувствительного уровня.

Не все были довольны новой реальностью. Кому-то не нравилась жестокость приговоров, кого-то волновали этические вопросы и то, что преступления де-факто поощрялись государством, многих пугало воздействие такой системы на общественное сознание. Больше всего надрывались защитники прав клонов, но даже на них, по большому счету, всем было плевать.

– Ты в порядке, Ник, – заявил дежурный, выключая сканер. – Добро пожаловать в мир людей. И не пропивай всё сразу.

– Да уж постараюсь.

***

Мысль срезать путь через переулок оказалась крайне неудачной. Его ждали четверо.

– Стоять! – Он узнал в говорившей давешнюю истеричку с хлыстом. Только на сей раз в руках у нее был пистолет. – Подготовьте его.

Кто-то подошел к Никки сзади и повесил на шею табличку. Скосив глаза вниз, он прочитал: “Я больше не обижаю клонов”. Пару раз сверкнула фотовспышка.

– Движение «За Этичное Обращение С Клонами» приговорило тебя к ликвидации. Ребята, приступайте.

Переезд

– Поверить не могу, Шон! Ты пошёл к этому шарлатану и обсуждал с ним настолько интимные вещи! То, что касается лишь тебя и меня!

– Но у нас проблемы, Кен, не правда ли? С тобой разговаривать уже бесполезно. Мне просто больше не к кому было обратиться за помощью...

– ...и в результате он убедил тебя расстаться со мной!

– Сам виноват. Ты всё чаще навязываешь мне свои решения, большинство из которых совершенно неадекватны. Ты стал слишком самостоятельным и неконтролируемым. Проблемы на работе и в отношениях со всеми подряд – всё из-за твоих выходов. Чёрт побери, воровать деньги у друзей в их присутствии – это было последней каплей!

– Теперь ты ненавидишь меня, да? А помнишь, как все начиналось? Ты был забит, несчастен и абсолютно никому не нужен. Ты страдал от одиночества и мечтал, чтобы у тебя был хоть кто-нибудь. Помнишь, как ты радовался, когда в твоей жизни появился я? И вот, спустя тридцать лет, ты выбрасываешь меня без сожаления, словно какой-нибудь дырявый носок!

– Не пытайся давить на жалость, Кен. Ты очень постарался, чтобы последние из этих тридцати лет были ужасны.

– Ну... прости. Я вижу, ты уже все решил. Раз уже ничего не изменить, то хотя бы помоги мне с переездом.

– С переездом? Конечно! Что нужно сделать?

***

Сегодня доктор Берг засиделся в кабинете допоздна. Он перечитывал историю болезни, точнее, подшитую к ней рукопись Шона. С тщательностью, доступной лишь настоящим безумцам, тот выписал мельчайшие черты воображаемого друга – привычки, предпочтения, манеру разговаривать и одеваться. Несмотря на перегруженность деталями, читалось легко.

“...в последнее время он стал проявлять излишнюю самостоятельность...” – Интересно...

– Как говаривал один наш общий знакомый, самое страшное, что ты можешь услышать от зубного врача, это: “Боже мой! Какой интересный случай!”. Я помню эту историю. После того визита к дантисту он неделю мог питаться только протертыми огурцами.

– Кен? Как ты...

– Я переселился к вам, доктор. До последнего момента не верил, что получится, но вы теперь знаете обо мне всё. Плюс упомянутая излишняя самостоятельность. Теперь я могу существовать в вашем сознании.

– Абсурд...

– Факт. И случай поистине интересный. Как вы думаете, можно ли считать меня представителем новой формы, пусть даже паразитической, но разумной жизни? Ведь я, наверное, даже размножаться могу. Представьте, вы делаете доклад обо мне на каком-нибудь симпозиуме. Или книгу издаете. Люди читают, и я...

– Книгу? Я тебе сейчас покажу книгу, – сварливо скрежетнул женский голос. – Он – мой. Убирайся отсюда!

– Воображаемый друг у психиатра. Вот это номер... – пробормотал Кен.

Вместо ответа ассистентка доктора взвизгнула и вlepила Кену затрещину, после чего накинулсь, явно с целью что-нибудь выцарапать.

– Мэдж? Ты тоже? – прошептал доктор. – Господи...

Не спуская глаз со сцепившейся парочки, он нашарил телефон, набрал номер приёмного покоя собственной клиники и даже успел выкрикнуть в трубку:

– Помогите! У меня шизофрения! Две!

Индивидуальное правосудие

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас за готовность участвовать в экспериментальной программе “Индивидуальное правосудие”.

Офицер полиции радушно улыбнулся и продолжил.

– Мы рассмотрели вашу заявку и решили удовлетворить её. Вы законопослушны, не привлекались к суду, психически здоровы, стрессоустойчивы и не имеете вредных привычек, влияющих на адекватность поведения... Мистер Дугласон!

– Да-да, простите! Я слушаю, – встрепенулся мистер Дугласон, который не спускал глаз с папки в руках офицера: в ней был контракт.

– До того, как вы подпишете документ и присоединитесь к программе окончательно, я обязан поставить вас в известность о самых распространенных заблуждениях, с которыми к нам приходят кандидаты.

Во-первых, “Индивидуальное правосудие” – не синоним безнаказанности. За прошедшие несколько лет программа показала впечатляющую способность к саморегуляции. Всё, что считают преступлением в общепринятом смысле этого слова, карается с потрясающей эффективностью и быстротой, особенно если сравнивать с традиционной системой.

Во-вторых, практика показывает, что для сведения личных счетов система неэффективна. Она имеет способность быстро подавлять излишне агрессивное или неадекватное использование её ресурсов.

В-третьих, программа выглядит удобным способом для бегства от правосудия государственного. Однако,

и это является заблуждением. До девяноста процентов участников, которые присоединились к программе именно по этой причине, в течение первого же года получили приговоры в рамках данной программы. Во многих случаях – более суровые, чем предусмотрено законом, от которого они пытались спастись.

Офицер сделал паузу, дождался нетерпеливого кивка и продолжил:

– В-четвёртых, излюбленная ошибка новичков – бросаться судить и принимать решения в первые же несколько недель после присоединения. Не спешите. Проникнитесь духом “Индивидуального правосудия”. Ощутите ответственность. Система уже достаточно отлаженная, и все неотложные решения приняты вашими предшественниками. Вам остается только, не торопясь, освоиться и начать вместе с остальными поддерживать и развивать программу.

В-пятых, моя форма не должна сбивать вас с толку. Я и мне подобные – скорее исполнители, чем координаторы. Вы не можете обращаться к нам за защитой или за чем-то подобным. Вы можете рассчитывать только на себя и других участников.

Пожалуйста, обдумайте ваше решение в свете того, что я вам рассказал. Вы можете отказаться.

Мистер Дугласон помолчал немного, чтобы соблюсти приличие, и решительно сказал:

– Я всё обдумал и отказываться не намерен.

– Очень хорошо. Распишитесь здесь и здесь. С этого момента вы не подчиняетесь законам нашей страны, а она, в свою очередь, не несет никакой ответственности за то, что с вами произойдет в рамках программы. И далее по тексту контракта.

“А также никаких долгов, обязанностей, алиментов и раздела имущества. И адвокат... Оба адвоката пусть идут к черту, упыри!”

– Скажите... Я теперь могу ознакомиться со списком участников проекта?

– Разумеется. Ищете кого-то конкретного?

– Миссис Аврору Дугласон, мою бывшую супругу. За последнюю пару месяцев даже от её адвоката не было вестей.

– Вот, пожалуйста, – ответил офицер, поворачивая к нему экран с результатами поиска. – Она?

– Она самая, – с отвращением сказал мистер Дугласон и торжествующе улыбнулся. – Я ведь уже могу выносить приговоры?

– В данный момент у вас есть право всего на один. Как указано в контракте, со временем...

– Одного хватит! Я приговариваю её к высшей мере! Как тут принято казнить? Расстрел?

– Напоминаю, – офицер не казался ни удивленным, ни шокированным. Видимо, сказывался многолетний опыт. – Всякое ваше действие по отношению к участнику проекта даёт остальным возможность приговорить вас к тому же самому без последствий для себя.

– Я помню. Ну и что?

– Ничего. Это напоминание входит в мои обязанности. Приговор условный?

– Ещё чего! Вы бы знали, что она мне устроила, когда мы...

– Знаю, знаю, – поморщившись, замахал на него руками офицер. – Избавьте меня от подробностей. Я не первый год в полиции и видел, что супруги устраивают друг другу в процессе развода. В исполнение приведёте сами?

– Лучше уж вы. У меня и оружия-то нет.

– Хорошо. Итак, ваш приговор зарегистрирован и будет приведён в исполнение в ближайшие дни. Счёт за его регистрацию и услуги судебного пристава получите по почте.

– Поверить не могу! Так просто?

– Именно. Пожалуйста, позаботьтесь о своевременной оплате. Санкции в отношении должников исполняются с такой же скоростью.

– Разумеется! А сейчас я вас оставлю. Сами понимаете, мне сегодня есть что отметить.

– Погодите минутку, сэр, – офицер сверился с компьютером. – Вас не затруднит встать вон в тот угол?

– Это ещё зачем?

– Дело в том, что миссис Аврора Дугласон тоже вынесла вам приговор. Заранее, на случай, если вы присоединитесь к программе. Ваши действия сделали вас открытым для санкций такого же уровня и ниже, и он автоматически вступил в силу.

– Она что, потребовала поставить меня в угол? – рассмехался мистер Дугласон. – Ну, не дура ли?

– Нет, сэр. Дело в том, что этот угол легче отмывает-ся и там нет мебели, которую вы могли бы забрызгать.

Офицер больше не улыбался. В руках у него была автоматическая винтовка.

Короткий спор о величии

– Печальное зрелище!

– Это ты про мою пирамиду, Хапи-Мозе¹?

– Нет, дед, про рабочих.

– А что тебя в них не устраивает?

– Посмотри, до какого состояния ты их довел! Ты отнял у них всё время и силы, чтобы изнурять работой, которую они ненавидят. А плата за тяжкий труд! Грязная вода и пища, которой иные черви побрезгуют. Предел их мечтаний – дотянуть до вечера, когда можно будет упасть и не шевелиться.

– Ты не хуже меня знаешь, что с пирамидой лучше поспешить. Там возни ещё на декады, а мне хотелось бы получить её вовремя.

– Но не такой же ценой, дед! Большинство из них на самом деле неплохие люди с кучей талантов и годятся на что-то большее, чем таскать каменюки.

– Ты ещё молод и плохо знаешь людей, Дитя Нила. Думаешь, сидя по домам, они воспользуются этими самыми талантами и сотворят что-нибудь величественное? Они будут жрать, совокупляться и гадить. Особо одарённые будут делать это как-нибудь творчески, но не более того.

Можешь сходить и проведать тех, кого я оставил сидеть по домам со всеми их талантами. Именно этим они сейчас занимаются, и будут делать так всю жизнь, если только рука владыки не сожмет эту слякоть в кулаке, чтобы придать ей достойную форму. Через тысячу

---

¹ Хапи-Мозе (др. егип.) – буквально “Дитя Хапи”. Хапи – древнеегипетский бог Нила. Предположительно, одно из прозвищ пророка Моисея

лет о них никто не вспомнит, ибо они не сделали ничего интересного, как и десятки поколений их предков от сотворения мира.

Вот пирамида – другое дело. Её будут видеть и восхищаться. Люди запомнят моё имя и их труд. Для них это шанс войти в историю, и я не вижу, почему бы им ради этого не потрудиться как следует. К сожалению, проще повелеть бить их палками, чем втолковать всё это.

– Насчёт величия и руки владыки – согласен. Но пирамида... Для того, чтобы войти в историю, есть способы похлеще и не столь унижительные. Что, если я возьму вот этих же самых людей и сотворю нечто, способное превзойти все пирамиды Гизы? Что скажешь?

– Я скажу, что тебе придется быть очень убедительным, Моше²...

---

² Моше (др. егип./др. евр.) – Моисей

Адвокат Господа

– Здравствуйте. Я ваш адвокат.

Не беспокойтесь, вам это ничего не будет стоить. Мои услуги оплачены верующими.

Признаюсь, с моей стороны шаг был очень рискованный, но другого способа увидеться с вами не было. Сумма достаточно внушительная, да и дело интересное, благое, так что я согласился умереть и повидаться с вами.

– Зачем?

– Надо обсудить детали иска и получить ваше официальное согласие на то, чтобы я представлял вас в суде, защитил от нападок.

– Не припоминаю, чтобы на меня нападали.

– Но там, внизу, люди говорят о вас разные обидные вещи. Например, что вас нет.

– Ничего страшного. Когда я к ним выйду, все сомнения исчезнут. Да и гадостей наговорить в лицо вряд ли посмеют. От чего тут защищать-то?

– Так вот же, от этого всего. Это же клевета, подсудное дело.

– Да пусть болтают, с меня не убудет.

– Вы не хотите, чтобы они понесли наказание?

– Нет.

– Хотите наказать их самостоятельно?

– Вовсе нет.

– Понимаю. Вы их, конечно, по доброте своей простили. Но нам-то, людям верующим, за вас обидно. Они поминают ваше имя все и используют его в ругательствах! Когда вы подтвердите мои полномочия и отправите обратно, я... незамедлительно...

– Всеуе, говоришь... – протянул задумчиво старец и огладил седую бороду. – Ну, если так, то...

Тут его прервал укоризненный женский голос:

– Петр Петрович! Ведь пожилой же уже человек... Пациент тут после операции отходит, а вы над ним шутки шутите! Везите его в палату.

Ответом ей был короткий басовитый смешок. Потолок пришел в движение. Где-то на краю поля зрения проплывали силуэты предметов обстановки. Спустя пару мгновений на фоне потолка объявилось встревоженное женское лицо средних лет.

– Не беспокойтесь! Только не волнуйтесь! Вы живы. Операция прошла успешно. А это – Петр Петрович, наш медбрат. Людей сбивают с толку его белый халат и борода, да ещё и при таком-то освещении. То за апостола Петра примут, а то и вовсе...

Она продолжала причитать до самой палаты. А старик всю дорогу качал головой, усмехался в роскошную свою бородищу и тихо приговаривал:

– Во даёт, а? Адвокат... Обратного послать... Неужто ты и впрямь думал боженьке наврать при встрече?

Тысяча добродетелей

І. Альфа

“Жертвовать на честную политику – почётный гражданский долг!”

Виктору стало неловко при виде транспаранта. Он явился сюда вовсе не жертвовать, и теперь почувствовал себя корыстным. Оказывается, где-то есть люди, готовые заниматься такого рода благотворительностью, вносить свой чистосердечный вклад в хорошее дело...

– Вы слушаете меня?

– Да-да, конечно, – пробормотал он, осторожно покосившись на собеседницу.

Корпорация “Тысяча добродетелей” считалась медицинской, поэтому её представительница была одета в нечто стилизованное под белый халат. Наряд агента-регистратора был скроен в обтяжку и щедро декольтирован.

Виктор вздохнул и снова принялся шарить взглядом по кабинету в тщетной попытке потерять собеседницу из поля зрения. Он всегда робел женщин, а уж вульгарные, напористые, густо накрашенные особы вроде этой и вообще приводили его в состояние бессловесного ступора.

Взгляд зацепился за плакат “Президент – истинная душа нации! Слава донорам!”. Более пристальное изучение показало, что латунные скобки, крепившие наглядную агитацию, были довольно новыми и бодро блестели, однако, слой пыли...

Тут его снова отвлекли:

– Ваши сомнения понятны, – уверенно заявила тётка. – Перед тем, как обратиться к нам, люди советуются со знакомыми, читают газеты и в результате приходят до смерти перепуганными.

Она укоризненно покачала головой.

– Никто не отрицает существования побочных эффектов, но ведь они появляются только в результате злоупотреблений. Этак можно признать опасным что угодно. Скажем, если вы съедите ведро соли, то непременно умрете, не так ли? Станете вы из-за этого отказываться от соли? Нет, вы просто не будете есть ее ведрами. Вот, взгляните!

Виктор послушно уставился на декольте и лишь спустя несколько мгновений сообразил, что на самом деле его приглашали взглянуть на донорское удостоверение, которое агентша держала в руках.

– Видите? Мой рейтинг гражданского доверия был и остался на уровне “Альфа”, как будто и не было тридцати двух мелких обменов!

Не особо всматриваясь, Виктор поспешно кивнул и принялся изучать покрытую лаком столешницу. Тётка отражалась в ней, но отражение смущало куда как меньше.

– Кроме того, не забывайте, что донорство – это не просто удобная возможность оплатить налоги. Это ещё и ваш личный вклад в то, что государством управляют люди порядочные, а не какие-нибудь деспоты и казнокрады, – в голосе её прорезались торжественные нотки. – Все мы хотим, чтобы судьбу страны решали люди, наделённые лучшими человеческими качествами, однако не у всех хватает смелости и гражданской ответственности обратиться к нам. Так чего же вы стесняетесь?

– провозгласила тётка, постепенно входя в раж. – Вам следовало бы гордиться своим поступком!

Виктор снова вздохнул.

– Я... Ну... сомневаюсь. Нельзя ли это как-то просто скопировать? Или не пересаживать мне материал этого... реципиента?

– Подумайте сами, – терпеливо сказала агентша. – Представьте, что речь идет об обмене органами. В таком случае сердце или почку не копируют, а именно пересаживают. И точно так же, как нельзя было бы оставить вас без сердца, мы не можем оставить вас с прорехой в психике. Последствия, надеюсь, представляете.

Он не представлял, но кивнул, решив больше не задавать вопросов. Наверняка у неё есть готовые ответы на все. Да и какое это имеет значение, если денег для оплаты налогов всё равно нет? Преодолев робость, он пробормотал:

– Ладно, что уж там... Где расписаться?

II. Пациент

Пересадка прошла довольно буднично. Чистая операционная с приборами и непонятными установками, вежливый персонал, на этот раз в самых обычных халатах, строгий доктор, который обращался к нему не иначе, как “пациент”.

Нет, он не может узнать, как зовут реципиента и что именно будут пересаживать. Извините, врачебная тайна. Нет, беспокоиться не о чем. При таких ничтожных вмешательствах он вряд ли почувствует изменения. Нет, пациент, раздеваться не надо, ложитесь сюда и закройте глаза. Наркоз, пожалуйста.

Ему показалось, что он очнулся ровно через мгновение. Полежал, с опаской прислушиваясь к ощущениям. Ничего нового.

– Вот и всё, пациент. Благодарю вас, – доктор слегка приподнял уголки губ, обозначая доброжелательную улыбку. – Удостоверение донора вам выдадут в регистратуре.

Он раскрыл какую-то папку и начал делать в ней пометки. Расценив это как приглашение удалиться, Виктор двинулся к выходу. Он был столь увлечен поиском хоть каких-то внутренних изменений, что по пути едва не налетел на медсестру, которую, чудом разминувшись, машинально хлопнул по заднице.

Пройдя ещё пару шагов, он остановился, ошарашенный собственным поступком. Начал было бормотать какие-то извинения, но так и не смог произнести ни слова. Оказалось, что доктор всё это время с интересом наблюдал за ним, а медсестра, напротив, начисто проигнорировала происшествие. Привыкла? Доктор задумчиво кивнул и продолжил делать пометки, окончательно утратив интерес к пациенту.

Красный от смущения, Виктор выскочил в коридор и остановился, привалившись к стене. Он никогда никогда не шлепал по заднице. Тем более, машинально.

***

Оформляя документы в регистратуре, он тщательно следил за словами и жестами. Может быть, именно поэтому ничего особенного не произошло. Он улыбнулся и подмигнул девице в окошечке, дождался ответной улыбки и облегченно вздохнул. Всё-таки, с ним всё в порядке. Посетителей не было, и он задержался, чтобы поболтать.

До него дошло через четверть часа. В порядке? В каком ещё порядке? До сего дня сама мысль о том, чтобы вот так запросто знакомиться и болтать с первой встречной казалась ему пугающей. А сейчас – никакого дискомфорта, всё кажется естественным.

Торопливо попрощавшись, он выскочил из клиники и, опасаясь пользоваться общественным транспортом, поймал такси. По пути домой он попытался привести мысли в порядок.

Итак, вопреки всем заверениям, обмен прошел не без последствий. У него изъяли застенчивость и пересадили какому-то распутному типу. Это вполне понятно, сексуальные скандалы вредят карьере и семье. Политику и впрямь лучше избегать от такого багажа. Но что ещё он приобрел в довесок? Он надеялся, что больше ничего.

III. Бета

Полгода прошли как во сне. Вопреки опасениям, никаких других побочных эффектов не обнаружилось. Виктор зажил бурной сексуальной жизнью, наверстывая упущенное, и не раз поминал добрым словом того неведомого депутата или министра, который его благодетельствовал. Для него это, может быть, и являлось опасным пороком, но Виктор всерьёз считал своё приобретение настоящим благословением.

Для полного счастья не хватало лишь денег. Его доход и раньше был весьма скромным, и расходы на женщин превратились в ощутимую прореху в бюджете. Спустя полгода, когда общая сумма неоплаченных счетов превысила размер зарплаты, он решил. “Тысяча

добродетелей” предоставляла возможность оплатить донорством не только налоги.

Снова разговор с агентом, операционная, непонятные приборы, строгий доктор и общий наркоз. Единственная разница – вторая, третья и все следующие пересадки прошли без каких-либо ощутимых последствий.

Неприятности настигли спустя год. Они явились в образе жирной оранжевой литеры “Бета” в его удостоверении. Рейтинг гражданского доверия – нормальный вместо высокого.

Поначалу Виктор не придал этому никакого значения. Казалось бы, что решает всего один жалкий уровень? Разницу ему объяснил босс.

– Это не просто показатель благонадежности, – заявил он. – Это ещё и уровень доступа. Тебе придется нас покинуть.

Аналогичного мнения придерживались и чиновники службы трудоустройства, а также потенциальные работодатели. Выбор был невелик – либо браться за работу попроще и подешевле, либо продолжать снабжать корпорацию материалом, всякий раз рискуя что-нибудь подцепить. О том, чтобы начать жить по средствам, речи быть не могло.

***

Он попался на девятнадцатой краже. Суд признал склонность к воровству последствиями одной из пересадок, что автоматически возлагало на “Тысячу добродетелей” ответственность за социальную реабилитацию преступника. Тюремное заключение заменялось содержанием в клинике корпорации до выздоровления.

Адвокат “добродетелей” не возражал. В своей ответной речи он не преминул подчеркнуть высокую степень

гражданской ответственности и повышенное внимание к конструктивной критике, ставшие визитной карточкой представляемой им организации. А также то, что обвиняемого предупреждали о последствиях злоупотреблений услугами корпорации перед каждым обменом (соответствующие документы за подписью Виктора прилагались). Было также обещано детально разобраться в происшествии и повысить уровень разъяснительной работы среди доноров.

IV. Дельта

Реабилитационный центр “Тысяча добродетелей” вовсе не походил на тюрьму. Если не обращать внимания на решетки на окнах, забор с колючей проволокой, шокеры и наручники у санитаров – не походил.

Строгий распорядок, казённая одежда, отвратительная еда и ежедневные процедуры. Восстановительные, как не преминул уточнить осматривавший его врач.

Тесные палаты на двоих. Санитар слегка подтолкнул замешкавшегося на пороге Виктора и закрыл за его спиной дверь. Знакомить новичка с обитателем комнаты он считал излишним.

Несколько минут прошли в молчании. Старожил – худой мужчина чуть за сорок – сидел на кровати, поджав ноги, и без особого интереса изучал вошедшего своими выцветшими серыми глазами. Несвежая пижама была ему явно велика, ворот сполз на плечо, обнажив костлявую ключицу. Не по возрасту морщинистое лицо выражало скуку.

– Я Эпсилон, – наконец произнес он. Голос был хриплый, такой же тусклый и усталый, как и его хозяин.

– Виктор...

– Нет, ты теперь Дельта, – заявил Эпсилон и ткнул в Виктора пальцем.

Проследив за указующим перстом, он и впрямь обнаружил на своей пижаме греческую букву “Дельта”. Маркировка на одежде нового знакомца тоже соответствовала прозвищу.

– Хорош торчать у двери, – в его голосе так и не стало больше приязни. – Садись на койку, слушай. Моя обязанность – растолковать тебе, где ты оказался и что тебя здесь ждет.

Он замолчал и повернулся всем корпусом к свободной кровати, застеленной колючим казённым одеялом. Виктор-Дельта потоптался ещё немного в ожидании продолжения, но Эпсилон попросту игнорировал его, вплоть до того момента, пока снова не обнаружил в поле зрения.

– Как тебя звали раньше – значения не имеет, – заявил он. – Раз ты здесь – значит, ты уже не тот, кто когда-то поставил свой первый автограф на их чёртовом бланке. Слишком много обменов. Ты теперь кто-то другой. Новое имя придумывать бессмысленно, так как здесь ты продолжишь меняться, и очень, очень быстро. Усек?

Виктор моргнул пару раз, помотал головой, но так и не нашелся с ответом.

– Ладно, объясняю по буквам. Центр только называется реабилитационным. Обещанные восстановительные процедуры – это на самом деле те же обмены, только крупные. Заведение у нас на полной самокупаемости, да с большим профицитом. А то, что пациент не выздоравливает – так извините, необратимые изменения зашли слишком далеко, распад личности прогрессирует, обязуемся взять на вечное сохранение.

– Но ведь есть случаи выздоровления!

– Есть. Но тебя это не касается. За положительные обмены надо платить. Ты в состоянии? Так я и думал. В следующий раз воруй по крупному.

– Но...

– Молчи, слушай. Они не особо заботятся о том, как фрагменты стыкуются у донора, лишь бы клиенту подходило. Погрешности и нестыковки накапливаются, лишая тебя рассудка и тянут степень гражданского доверия всё ниже. Из-за этого ты иногда просыпаешься и обнаруживаешь на пижаме новую маркировку. Я уже три дня как Эпсилон.

Забудь о том, кем ты был. Ты не знаешь, из кусков какого дерьма тебя собирают, но я гарантирую, что это дерьмо и куски большие. От твоей исходной личности остается так мало, что нет нужды цепляться за имя. Ты – портрет, небрежно написанный дерьмом.

Дошло? Вижу, дошло. Так как тебя теперь зовут?

– В... – он осекся под тяжёлым взглядом выцветших глаз и спустя три бесконечных секунды прошептал. – Д... Дельта.

– Умница, – голос его все так же не выражал энтузиазма. – Далее... Вторая моя обязанность по отношению к новичку – предупреждение. Меня допускают к общению с людьми и позволяют жить в комнате с соседом. Это не значит, что со мной приятно иметь дело или что я безопасен. Я опасен. Никто не знает, когда у меня поедет крыша. Старайся не привлекать моего внимания. Не смотри в мою сторону. Не заговаривай первым. Никогда не спорь. В случае чего – сразу беги и зови на помощь. Мне плевать на тебя. Я говорю это лишь потому, что однажды, когда меня звали Гаммой, другой Эпсилон сообщил мне всё это. Ты сделаешь то же самое, когда станешь Эпсилоном сам.

И последнее. За Эпсилоном идет Зита и далее по алфавиту. Эти сидят в одиночках. Они окончательно съехали с катушек, но никто не знает, в какую сторону и насколько сильно. Вопросы?

Дельта отрицательно покачал головой.

– Скажи: “Вопросов нет, Эпсилон”.

– Вопросов нет, Эпсилон...

– Вот и хорошо. Вижу, всё правильно усвоил. Продолжай в том же духе. Целее будешь.

V. Лямбда

– Подъем, отморозок! На процедуры!

Лямбда уже давно не спал и у него было собственное мнение относительно того, кто именно здесь отморозок, но побоев он не любил и потому спросил только:

– Кто у меня сегодня?

– Не твоё дело, – буркнул санитар.

“Министр социального обеспечения. Третий раз за месяц. Старый алкаш совсем вразнос пошел”

– Представляешь, – ухмыльнулся Лямбда, когда они шли по коридору. – Два года назад я был простым работягой, а теперь изрядный кусок меня правит страной. Я по капле просачиваюсь во власть и даже, наверное, сочиняю какие-то законы. Вот ты бы какой закон принял, если бы был министром социального обеспечения?

Санитар с подозрением покосился на него. Человек действия, он обычно не позволял спровоцировать себя на размышления, но на сей раз внутренняя борьба, отразившаяся на его лице, закончилась в пользу пациента. Он наморщил лоб, после чего коротко пожал плечами.

“Повысил бы минимальный оклад и легализовал траву”.

Лямбда хмыкнул, но от комментариев воздержался. Будучи явным профаном в социальном обеспечении, по части попадания в болевые точки его спутник был экспертом. Что ж, с этого на сегодня хватит. Кто там у нас следующий?

– Пациент, прошу, – доктор в халате, зачем-то стилизованном под нечто военное, гостеприимно указал на давно знакомую койку с мятой серой простыней.

– Опять министр соцобеспечения, – констатировал Лямбда, укладываясь. – Неужели с дедулей всё настолько плохо?

“Снова запой, – послышался голос доктора. – Нестабилен. Пересаженные фрагменты непрерывно поглощаются старыми”. Доктор испепелил санитару взглядом поверх очков, казня за мнимую болтливость. Тот лишь развел руками, замотал головой и поспешно протиснулся обратно в коридор.

– Пересаженные фрагменты поглощаются? – забывшись спросил Лямбда. – И у меня тоже?

Юный ассистент доктора чуть не подпрыгнул на месте и в ужасе вытаращился на него.

“Многие пороки являются лишь симптомами более глубоких дефектов личности”.

– Не обращайтесь внимания, молодой человек, – заявил доктор. – После уровня Зита и далее вероятность психических расстройств близка к единице. В данном случае мы имеем крайне обостренную интуицию и полное отсутствие чувства такта.

Лямбда был лишь отчасти согласен с этими утверждениями. Он, несомненно, был безумен. А ещё он с недавних пор умел слышать мысли. Для этого достаточно

было задать конкретный вопрос – и правдивый ответ был гарантирован. Голос собеседника раздавался в голове и сообщал много интересного. Неизвестно, какие детали и после какой пересадки сложились столь удачно. Он обнаружил дар лишь пару недель назад и теперь вовсю с ним развлекался.

– На правах безумца хотелось бы узнать ещё вот что...

– У нашего Лямбды своеобразный талант задавать неудобные вопросы и считывать реакцию. Рекомендую игнорировать его болтовню и заниматься своим делом, – посоветовал доктор. – Здесь и не такого можно насмотреться. Со временем привыкнете.

Ассистент кивнул, не сводя глаз с Лямбды.

– Такое творится не только с пороками, верно? – с напором продолжал тот.

“Верно. Всё зависит от базовых склонностей и физических факторов, изменить которые мы не в состоянии. Можно лишь временно заменять внешние проявления. Рецидивы почти гарантированы.”

– То есть, не окажись я здесь – давно бы восстановился до Альфы? – уже почти кричал Лямбда.

“Вполне вероятно. Большинство малых обменов обратимы. Некоторые – полностью”

Доктор уставился на него с интересом. В глазах его ненадолго блеснул исследовательский азарт:

– Хмм... Я полагаю, язык тела и микромирика служат для него основным источником информации, а остальное – дело интуиции, – заявил он, адресуясь к ассистенту. – Перед обменом сделайте полный снимок. Надо выяснить, что привело к такой деформации. Может оказаться практически полезным.

– Док, вы хоть понимаете, что творите? Говорят, чем больше у кого-то обменов, тем он лучше. За таких

охотнее голосуют. На самом деле это гарантирует, что к власти приходят насквозь прогнившие типы, которым нужно всё больше обменов, чтобы поддерживать видимость порядочности. И ради этого вы тут пластаете меня на куски?

“Пути назад нет. Если мы перестанем поддерживать систему, она взорвётся.”

– Да и черт с ней, пусть взрывается!

– Поторопитесь с наркозом, голубчик, – занервничал эскулап. – Он становится агрессивным.

– Н-наркоз готов, – заикаясь, пролепетал ассистент.

VI. Виктор

– Вот и всё, пациент. Благодарю вас, – склонившийся над ним доктор – не из “центра”, другой – слегка приподнял уголки губ, обозначая доброжелательную улыбку.

Виктор резко сел и огляделся. Чистая операционная с приборами и непонятными установками, вежливый персонал, на этот раз в самых обычных халатах, строгий доктор, который обращался к нему не иначе, как “пациент”...

Сон. Всё приснилось. Бывает ли от наркоза столь реалистичный бред? И не бред ли то, что он переживает сейчас? Может быть, где-то там, в реальности, которую так хотелось счесть плодом наркотического кошмара, очередная пересадка столкнула его за грань безумия? Может, рассудок сжалился над ним и погрузил в вечный безопасный сон? Как проверить, если всё настолько реально?

Он тайком ущипнул себя. Стало больно. Что дальше? Спросить у доктора, бывают ли такие галлюцинации во время обмена? Спросить, правда ли, что существуют реабилитационные центры и обмены никого не исправляют?

Придя к выводу, что не поверит ответу, каков бы он ни был, Виктор погрузился в самокопание. Ничего нового.

– Удостоверение донора вам выдадут в регистратуре, – закончил тем временем доктор.

Он раскрыл какую-то папку и начал делать в ней пометки. Расценив это как приглашение удалиться, Виктор двинулся к выходу. Сцена была столь до ужаса знакомой, что едва проклюнувшееся спокойствие мгновенно улетучилось. В отчаянной попытке разрушить дежа вю, он заставил себя остановиться и заявил:

– Больше ни ногой к вам...

Это прозвучало как сдавленный шёпот, но доктор на звук среагировал и оторвался от писанины.

– Простите, что вы сказали?

– Я больше к вам ни ногой! – со второй попытки вышло как-то чересчур громко и резко, поэтому он поспешил добавить. – Извините...

– Хмм... Вот и замечательно, – доктор, похоже, совсем не обиделся. – Очень важно знать меру во всем. Ловлю вас на слове, молодой человек. А то, знаете ли, есть увлекающиеся натуры. До полного распада личности увлекающиеся. Как у нас говорят, по самую Омегу, – тут он позволил себе строго отмеренный короткий смешок.

Не дождавшись ответной улыбки от ошарашенного пациента, он обиженно поджал губы и демонстративно вернулся к канцелярской работе. Намёк был более чем прозрачным.

По пути к выходу Виктор был так увлечен поиском хоть каких-то внутренних изменений, что едва не налетел на медсестру. Пытаясь разминуться с нею, он потерял равновесие и непременно упал бы, не поддержи его вовремя подоспевший юный ассистент. Восстановив равновесие, он не удержался и ущипнул спасителя за задницу.

Подчистую

– ...Конечно, жители этой планеты по своей воле содержат дома много самых разнообразных животных, но именно этот вид я считаю исключением. Ни хозяйственными, ни симбиотическими, ни даже, зачастую, эстетическими, ни любыми другими рациональными соображениями это явление не объясняется, а массовость его просто пугающая. Вывод очевиден: мы имеем дело с редкой паразитической формой жизни.

Профессор выжидающе глянул на аудиторию, помолчал немного. Комментариев, если не считать пары потрясенных вздохов и шепотков, не последовало.

– Уникальность данного вида в том, что ему не обязательно физическое взаимодействие для контроля над носителем. Да, именно контроля! Речь идет о мощном ментальном воздействии, проявляющемся в прочной эмоциональной привязанности и чрезмерной опеке. Носитель самостоятельно заботится о прокорме, здоровье и даже развлечении прикрепившихся к нему особей. Более того, он помогает и в распространении их потомства, с энтузиазмом подыскивая новых носителей. Слушаю вас!

– Профессор, и все-таки, у меня в голове не укладывается, что из-за них командование решило уничтожить планету вместе со всем населением. Неужели всё настолько опасно?

– Благодарю, доктор. Я ожидал подобного скептицизма. Позвольте, я поясню с помощью небольшой демонстрации. Заранее приношу свои извинения всем присутствующим.

Он включил проектор и изящным жестом пригласил зрителей ознакомиться с изображением. Аудитория загудела:

- По-моему, довольно мило...
- Ой, пушистенький...
- Выглядит безобидным...
- Беззащитным, я бы сказал!
- Послушайте, но это же просто геноцид какой-то!
- Истребить бедных зверей только из-за...
- Вас бы так...
- Они лишь просили у людей защиты, а вы...
- Не имеете права...
- Остановите!

Люди повскакивали с мест, кричали, толкались. Кто-то бросился к выходу, кто-то пытался куда-то дозвониться по личному коммуникатору, позабыв про то, что связь заглушена. Несколько человек, явно в бешенстве, ринулись в сторону кафедры. Сидевший неподалеку от докладчика адмирал флота глазами нашарил кого-то в толпе и кивнул, после чего дюжина крепких парней в форме принялась наводить в зале порядок. Гвалт поначалу усилился, несколько раз треснул парализатор. Буйствующих – около трети зрителей – не чинясь, вытолкали в соседнюю аудиторию и там заблокировали.

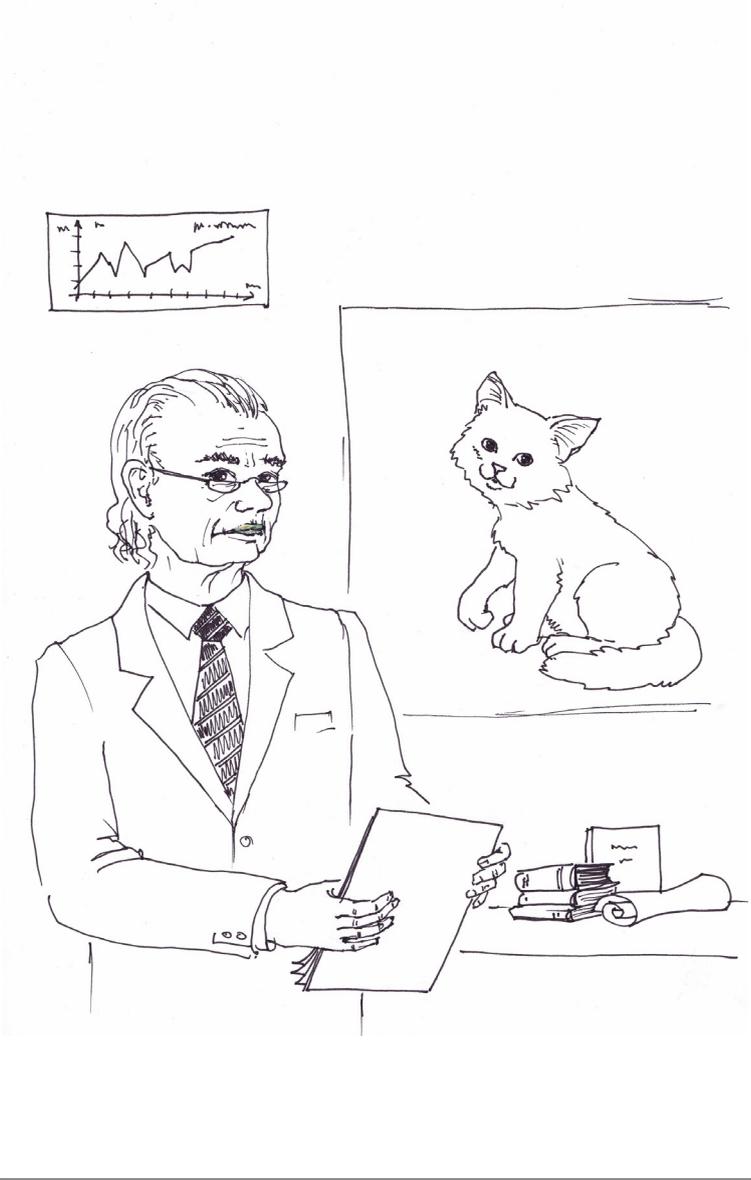
Постепенно воцарилась относительная тишина. Профессор удовлетворённо кивнул и убрал с экрана изображение котёнка.

– Обратите внимание, – заявил он. – Ни описанная мной опасность, ни, как следствие, необходимость уничтожения планеты, ни даже предполагаемый геноцид разумной расы не повергли наших зрителей в неистовство. Однако, изображение детёныша паразита в возрасте, когда они ищут носителя – немедленно

лишило рассудка. К счастью, мы умеем быстро и эффективно снимать симптомы, а с планетой на данный момент должно быть уже покончено. Надеюсь, демонстрация была убедительной?

– Да-да, – рассеянно обронил доктор, не отрываясь от блокнота, в котором делал пометки. – Исчерпывающе, хоть и несколько рискованно. Благодарю вас.

Он как раз заканчивал свои выкладки. По всему выходило, что при достаточном знании генной инженерии не составит труда сконструировать дюжину котов за какие-нибудь полгода. Кстати, он пришёл к выводу, что если у одного светила генной инженерии появится дюжина котов, то вреда от этого никому не будет.

Нырятьщик

– Как добыча, Эн?

Он некоторое время не отвечал, приходя в себя после погружения. Здесь, наверху, мир был совсем другим. Цвета, звуки и даже само восприятие реальности – всё изменилось в одно мгновение. Он долго молчал, вспоминая и заново переживая самые яркие моменты.

– Ну, что там у тебя? Покажи!

В настойчивости турагента присутствовала изрядная доля тревоги. Неудачные погружения были исключительной редкостью, но риск существовал всегда.

– Что? Ах, да... Полюбуйтесь, – Эн продемонстрировал добычу. Вокруг немедленно образовались любопытствующие.

– Негусто, – честно сказал один из зрителей.

– Алкоголь, наркотики и насильственная смерть в локальном военном конфликте, – заметил другой. – Довольно заурядная биография.

– Да ладно вам... – вступился за него кто-то третий. – У меня хуже бывало. Два раза подряд попадал на идиота. Сомнительное удовольствие, доложу я вам.

– От случайностей никто не застрахован, – заявил агент, поспешно увлекая Эна в сторонку, подальше от неудобных разговоров. – Постоянно одно и то же, – пожаловался он. – Сначала сами всё там взбаламутят в поисках острых ощущений, а потом ноют, что погружения короткие.

– Сколько у меня там осталось? Ещё на одно хватит?

– Более чем. Ты израсходовал всего двадцать лет.

– Тогда проследуем?

– Проследуем.

***

Планета расстилалась под ними – красивая, приветливая, кипящая жизнью и, отчасти, разумом.

– Целься получше. Тут до тебя уже изрядно порезвились. Некоторые считают, что интереснее всего устраивать войны, социальные катаклизмы и прочее подобное...

Эн не особо прислушивался, поскольку знал все эти жалобы и причитания наизусть. Праведный гнев агента был вполне обоснован, но как же это невыразимо скучно – очутиться в каком-нибудь тихом бюрокраишке, мелком офицере или полоумном нищоброе. Отпуск не для того предназначен, чтобы посвятить его чужой рутине. Волей-неволей начитаешь толкать носителя к головокружительной карьере, путчу или смущению умов божественными откровениями. Ничего страшного, если действовать аккуратно, но некоторые чересчур увлекались.

– Знаешь, а ведь они начинают что-то такое подозревать, – сказал он, желая сменить тему. – Уже случается при погружении слышать от них рассуждения, что, дескать, они не просто осознавшие себя куски органики. Дорассуждались до того, что в каждом из них живёт душа, некая неистребимая сущность, которая после смерти тела возносится на небеса.

– Ерунда. Нас не так много, чтобы всех их заполнить. Да и погружение – его заслужить надо. Большинство из них слишком скучны.

– Некоторые из них говорят, что душа перерождается в новых телах снова и снова, пока не достигнет какой-то там чистоты.

– Точнее, конца отпуска, – рассмеялся агент. – Не обращай внимания. Пока у них с понятием чистоты полная путаница, это не имеет значения. Так ты будешь погружаться? Готов? Вперёд...

Изготовившегося было Эна прервал чей-то удивленный возглас:

– Ого! Так загробный мир существует!

– А ты ещё кто такой? – сердито поинтересовался агент, адресуясь к только что материализовавшемуся новенькому.

– Я? Не помню... – нерешительно ответил тот. – Я, видимо, чья-то душа. Жил там, внизу. Жил... но толком ничего не могу вспомнить. Это нормально, да?

– Вполне, – утешил новичка агент. – Идите сюда, сейчас я вам объясню. Встаньте, пожалуйста, здесь. Ещё чуть ближе ко мне. Очень хорошо... Видите планету внизу? Так вот, – заявил он, толкая новенького вниз, – туда вам и дорога.

– В животное угодил, – заметил Эн, отследив траекторию. – Бедняга.

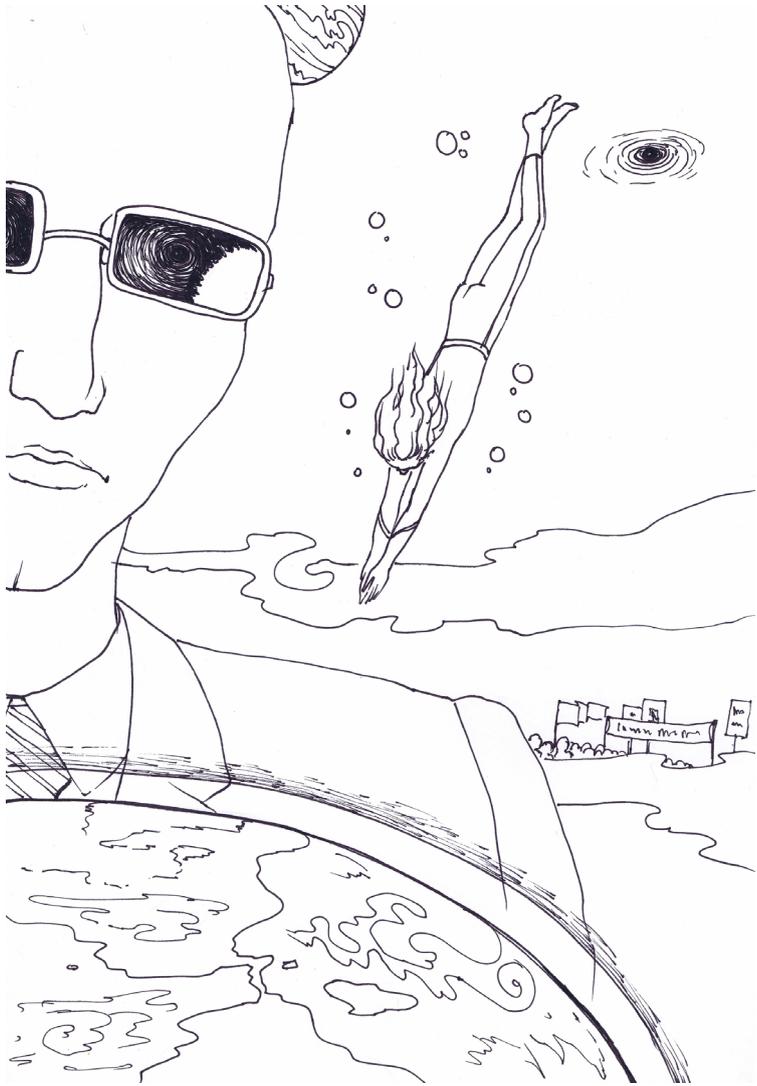
– Это уже его забота. Меня же беспокоит вот что, – мрачней, заявил агент. – Есть только одна причина, по которой этот тип мог здесь появиться... – он выдержал зловещую паузу и снегодованием выпалил: – Кто-то совершил слияние с разумом носителя во время погружения.

– Какая мерзость, – содрогнулся от отвращения Эн. – Совокупляться с разумом!

– Ты очень убедительно изображаешь негодование, – прошипел агент. – Я бы даже поверил, не будь ты единственным, кто вынырнул за последние несколько лет. Проклятый извращенец!

– Я...

– Знаю, знаю. Не удержался, новые ощущения, друзья советовали. Знаешь, сколько раз я это слышал? Конец твоему отпуску! Отправляйся следом, опекай, возвращай. Глядишь, вырастет из него что-нибудь стоящее. И передавай там привет остальным блудодеям... то есть, ангелам-хранителям.

Про Императора

Отравитель Сууществования

– Опять покушение, – буднично констатировал Император. – И когда тебе уже надоест?

– Пока ты жив – никогда, – мрачно процедил Императорский Личный Отравитель Сууществования.

– Это бесполезно. Я знал, с кем имею дело, ещё когда доверял тебе столь ответственную должность...

– Я не просил о ней!

– ...должность, но не жизнь. Заботу о моей безопасности я доверяю совсем другим людям, и они прекрасно знают своё дело. Ты под круглосуточным наблюдением. Везде.

– Лучше убей меня...

– Не могу. Ты слишком ценен.

– Тогда не жалуйся на покушения. Я буду пытаться, пока один из нас не сдохнет.

– Что ж, – вздохнул Император. – Не могут же у человека быть одни лишь достоинства. Надеюсь, когда-нибудь ты поймёшь, зачем ты здесь, и начнёшь тратить больше времени на исполнение своих обязанностей, чем на заговоры.

– Ничем я тебе не обязан! – зарычал его собеседник. – Меня притащили сюда против моей воли и держат здесь безвылазно, следят непрерывно. Ещё и должность эта – настоящее издевательство. Мои товарищи думают, что я проданся режиму!

– Придётся потерпеть. Пойми же, наконец: здесь ты на своем месте. Вокруг нас – полный дворец людей, готовых лизать мои сапоги или умереть за меня. Фундамент власти, неизбежность.

Император, доселе неспешно прохаживавшийся бок о бок с собеседником, резко повернулся к нему и впился взглядом в глаза. Он почувствовал прилив вдохновения. Откуда-то явилась уверенность, что на сей раз у него получится, он подберёт нужные слова и объяснит, наконец, то, что этот мрачный человек отказывался понять на протяжении нескольких месяцев.

– Ты только представь, – возвысив голос, вещал он, – что мне в такой обстановке приходится принимать решения! Определять судьбу государства! Без слова конструктивной критики! – он уже почти кричал. – А я не идеален, и ошибки мои очень дорого стоят.

Они, – он махнул рукой, указуя на пустоту у себя за спиной, – тоже меня ненавидят. Но молча. Молча! Им есть что терять. Тебе тоже, но тебе – плевать. Ты говоришь прямо и делаешь, что считаешь нужным. Порой такое трудно стерпеть, но это позволяет мне взглянуть на проблему под другим углом зрения и избежать некоторых ошибок. Вот почему Императору необходим Личный Отравитель Существования. Не для себя – для государства прошу: пойми.

– То есть, ты сначала уничтожил оппозицию, а потом стоишь тут и льёшь крокодиловы слёзы, рассуждая о пользе инакомыслия?

– Э, нет! Не следует путать разброд в верхах и наличие персональной занозы в августейшей заднице. Не монолитная власть – неэффективна!

– Именно поэтому я и не хочу служить государству, которое называется Империя.

– Но служишь же, – ехидно улыбнулся Император.

– Ненавижу!

– Взаимно! Итак, есть у меня тут один законопроектик...

Августейшая жалоба

Император перелистнул очередную страницу челобитной и облегченно выдохнул: далее следовала всего половина абзаца и длинный список подписей, который он читать не собирался. Убрав ноги со стола и бросив на их место документ, он стал копаться в одном из выдвижных ящиков.

Добыв золотой штамп с прилагающейся подушечкой, он тщательно прицелился и оттиснул стандартную в таких случаях резолюцию в двух частях.

Первая часть была оформлена почерком Императора и гласила: “Всем сейчас трудно, но ведь никто не ноет, все сами выкручиваются. Берите пример! Крепитесь! Желаю успехов! Ваш И.”

Вторая, на отрывном корешке для внутреннего пользования, который присутствовал на каждом стандартном бланке для челобитных, была написана обычными печатными буквами и адресовалась соответствующим органам: “Указанные факты расследовать. Еще раз пожалуются – истребить!”

Император придерживался мнения, что беспокоить его позволительно лишь по самым веским причинам. Что именно важно – это он оставлял решать непосредственно гражданам, однако тех, кто жалуется дважды, причислял к нытикам, которых презирал, считал заразными и старался своевременно избавлять от них общество. Это позволяло поддерживать процент бесноватых с активной гражданской позицией на уровне, не превышающем общественно-полезный.

Император отложил документ и горько усмехнулся. Масштабы проблем обывателей были ничтожны по сравнению с теми, что ему приходилось решать каждый день. И, кстати, пожаловаться кому-то вышестоящему и сильному возможности нет. Есть там высшие силы или нет – дела Императоров они разгребать точно не возьмутся. Тут челобитную не напишешь. Хотя...

– Хмм... Челобитную! А ведь я тоже гражданин Империи и ещё ни разу не воспользовался этим своим правом! Ну-ка, ну-ка... “Дорогой гражданин...!” ...да! Именно “дорогой”... И каждому по экземпляру, лично в руки...

Доклад о Северо-Восточном секторе

“Дорогой революционер!

Третьего дня ты расклеил вокруг дворца листовки, где обвинял меня в тирании, репрессиях и далее по списку.

Возмутительно! Что за чушь ты позволил себе написать?

Если так подходить к вопросу, то, вот, из твоего досье следует, что ты бьёшь жену, доносишь на соседей в налоговую и крадёшь лампочки в подъезде. И что? Ты видел меня расклеивающим листовки с чем-то подобным вокруг твоего дома? Нет! И не увидишь, ибо я реалист и не требую, чтобы все вокруг были идеальны.

Далее, ты пишешь: “Власть народу!”

Ты в своем уме? Мало кто во всей Империи имеет определенные планы далее, чем на ближайший вечер или на конец недели. Да и планам этим грош цена – пьянство, праздность и прочее подобное. Поверить не могу, что ты планируешь отдать управление державой людям, которые мыслят в таких масштабах. Написал бы честно: “Власть мне!” – я бы понял. Не отдал бы, конечно, но решил бы, что имею дело с индивидуумом, отдающим себе отчет в своих действиях.

И ещё вот это: “Смерть Императору!”

Как будто, если я умру, то сразу – бац! – и все заживут долго и счастливо. Будь ты и впрямь человеком мыслящим, длинная череда диктаторов и самодуров, сменявших друг друга на этом троне, навела бы тебя на мысль о том, что дело не в Императоре. Может, проблема не в правителе, а в тех, кем ему приходится управлять? Ты, похоже, и сам не мастак в планировании, и дальше свержения ничего не продумал.

Что же касается тирании – без этого никак. Уж поверь мне, если бы граждан можно было склонить к послушанию с помощью обнимашек, я бы разогнал всех карателей и нанял соответствующих специалистов.

Вынужден признать, что ты меня достал. Я решил избавиться от тебе подобных хотя бы на время.

Северо-Восточный сектор. Захолустье, конечно, но жить можно. Я позволил вам там свободно вести свою пропаганду, население вас поддерживает. Более того, я приказал переловить всех твоих единомышленников и выселить туда, а тебя назначаю губернатором. Хочешь – отделийся, объявляй себя царем или президентом и живите там как нравится.

Благодарностей не надо. Помощи не жди. И не вздумай оттуда баламутить моих подданных! Вторжение и публичную экзекуцию гарантирую.

Одна просьба: дай всем желающим пару месяцев, чтобы спокойно покинуть сектор. При случае сочтёмся.

Ненавижу. Твой бывший И.”

Перечитав послание, Его Величество усмехнулся. Письмо было нелепым, совсем не императорским, зато написано лично им, а не секретарем или пресс-службой. Он перелистнул страницу в “Докладе о Северо-Восточном секторе”, скривился при виде подшитой к документу копии листовки, с которой всё началось, и перешёл к заключению. Подробности его мало интересовали.

– Полтора месяца – губернатор, девять – президент, год – царь Северо-Восточного Сектора, месяц в тюрьме.

Поскольку новоявленный правитель выполнил единственную содержащуюся в письме просьбу, Император счёл своим долгом попытаться его вызволить. Силы вторжения опоздали, но место захоронения было установлено, и результаты идентификации не оставляют сомнений.

– Два года, – покачал головой Император. – Слабак!
Взгляд его упал на таблицы, завершавшие доклад:

– Потери населения... Ого! И этот человек называл
меня... Надеюсь, он успел понять, что я имел в виду, ког-
да рассуждал о тирании.

Злорадная улыбка на его лице сменилась
раздражением:

– Довольно! Это очевидная неудача.

Он с отвращением смахнул “Доклад” со стола.

Где-то в глубине души Император надеялся, что экс-
перимент удастся. Если собрать в одном месте тех, кто
искренне верит в справедливость и равенство и готов
жить в соответствии с ними – неужели бы из этого не
вышло хоть какого-то положительного опыта?

Увы! То ли революционеры были недостаточно ис-
кренними, то ли императоры не умеют ставить социаль-
ных экспериментов, но ничего хорошего из идеи не вышло.

– Придется угнетать и дальше, – вздохнул Император.

Местъ

Император закрыл книгу и задумался, легонько барабаня кончиками пальцев по обложке. Перед ним памятником почтительному вниманию каменел министр внутренней безопасности.

– Какое двоякое чувство, – воскликнул Его Величество после минутного молчания. – С одной стороны, твой любимый поэт пишет про тебя целую книгу. С другой стороны, все эти стихи о том, какой ты плохой. Досадно, вы не находите?

Министр изобразил скорбную улыбку и кивнул. В стихах он не разбирался, но любые проявления неуважения к главе государства считал тлетворными и подлежащими искоренению.

– Приказы об аресте и соответствующих санкциях готовы, но, с учетом деликатности вопроса, я решил сначала получить одобрение Вашего Величества.

– Что вы! Не вздумайте! Беда не в том, что он пишет про меня гадости. Беда в том, что он гениален, а стихи его переживут века. И на что же он тратит свой талант? Кому, я спрашиваю, вот это, – он подхватил книгу и исполненным отвращения жестом отправил её в утилизатор, – будет интересно после того, как на этом троне сменится десяток-другой задниц? Схвати вы его сейчас – он ощутит себя мучеником и посвятит весь остаток жизни мой персоне.

Министр терпеливо внимал. Ему было в высшей степени наплевать на то, что будет через несколько поколений. Он умел решать проблемы дня нынешнего, и уже добросовестно прикидывал варианты, не включающие ареста или ликвидации.

– Придумайте какой-нибудь изящный способ заставить его удалиться в глушь, подальше от политики, и тихо творить там. Только без этих ваших... Хмм... Знаете что? Я тут подумал... Раз он пишет про меня гадости и издает их большими тиражами, то почему бы мне не отплатить ему той же монетой? Поэт из меня, разумеется, никакой, но сейчас это даже к лучшему. Как говорится, недостаток – это преимущество, которым ты не умеешь пользоваться. Записывайте...

***

Поэт рыдал, сжимая в кулаке скомканную листовку.
– Какая низость... – всхлипывал он. – Лучше бы он меня арестовал. Лучше бы он...

И снова расплакался, машинально промакивая глаза злосчастным клочком бумаги. Листовка совсем раскисла от слез и начала расплзаться, прочесть её содержимое уже не представлялось возможным, но поэт, к сожалению, помнил его наизусть.

Императорский стих был ужасен как по форме, так и по содержанию. Размер был попран, красотой слога и не пахло. Зато он был посвящен лично поэту, изобиловал примитивными, но от того не менее обидными выпадами и даже содержал пару неприятных разоблачений.

Стих был везде. Его транслировали, печатали, писали на заборах и вырезали на скамейках в парках. Всюду, где бы поэт ни появлялся, его преследовали сочувственные взгляды и глумливое хихиканье.

– Не могу больше, – дрожащим голосом произнес поэт. – Сегодня же еду к тетке в деревню...

Пятью минутами позже, роясь в шкафу в поисках чемодана, он вдруг замер и звонко шлёпнул себя по лбу.

– Стоп! – внезапно голос его окреп. – Как же я сразу не догадался, что именно этого он и добивается?

Поэт замер в раздумье, потом рассмеялся:

- Ну уж нет! Остаюсь! Пойду-ка я писать панегирики, да послащавее. Мерзавец терпеть не может лести. Особенно наглой и неприкрытой. То-то покорчится!

Парламент

– ... Что значит «приняли пакет законов»? – прошипел Император. – Мне нужно было изолировать политически озабоченный контингент от общества и успокоить народ, но на законы я не подписывался. Тем более, на пакеты законов! Когда я позволил втянуть себя в эту авантюру с парламентской монархией, какой приказ был?

– Было три условия, Ваше Величество. Позаботитесь, чтобы не было фракции, у которой более трети мест... Сделано в лучшем виде.

– Дальше.

– Чтобы раз в полгода кто-нибудь грозил покинуть коалицию или выносил вотум недоверия правительству...

– Тут тоже порядок, знаю.

– Чтобы не менее половины депутатов были хотя бы дважды разведены или холосты два года и более... Вот статистика, у нас таких пятьдесят семь процентов.

– И как, черт побери, получилось, что люди, большинство из которых не в состоянии ужиться даже с одним человеком, смогли о чем-то договориться?

– Ваше Величество, пакет касается депутатских льгот. Повышение оклада, бесплатный проезд, пенсия, государственная парковка... Вот, взгляните.

Император, пробежал глазами список:

– Ага... Тогда ладно.

Он поставил в надлежащем месте подпись, и после минутного размышления изрек:

– Они обходятся мне всё дороже. Пожалуй, стоит урезать фонды для подкупа. У кого из них самые большие тарифы? У спикера? Устройте ему коррупционный скандал с отставкой и лишением льгот... Даже так: раз в полгода выявляйте того, кто больше всех берёт, и устраивайте.

Внешний враг

– Ну, сколько ж можно, Ваше Сиятельство? – с укоризной воскликнул Император. – Когда вы уже научитесь держать в узде свою про-имперскую оппозицию? В следующий раз, как только услышите трёп про унию – сразу вяжите болтунов вместе с сочувствующими и высылайте ко мне! Вечно вы увлекаетесь строительством инфраструктуры, да всякой там торговлей, а настроения масс начисто игнорируете.

– Виноват, Ваше Величество, – сухо откликнулся князь Лео, теперь уже бывший владыка Запредельных Земель. В голосе его не было ни намека на упомянутое чувство вины.

В отличие от собеседника, он был настоящим аристократом, потомком одной из свергнутых имперских династий. При нем было всё – и породистый гордый профиль, и безупречная осанка, и орлиный взор, и благородная седина, и отточенные манеры. Держался Его Сиятельство с большим достоинством, как и пристало человеку, только что подписавшему пакт о капитуляции на вполне заслуженных почетных условиях.

– Ещё как виноваты! – темпераментный и живо жестикулирующий, Император смотрелся рядом с ним шумным балаганным зазывалой. – Вы хоть знаете, в какую сумму мне обошлось обустройство границы? Все эти защитные сооружения, посты и базы, которые теперь стали не нужны из-за того, что оказались в глубине имперских территорий... А война! Знаете почему нынче силовые решения? Нет, вы даже не представляете! Вот!

Его Величество схватил со стола ворох каких-то документов и сунул было князю для ознакомления, но потом передумал и раздраженно швырнул бумаги обратно.

– Вам-то что, вы героически сопротивлялись, с достоинством капитулировали и временно перешли на казенные хлеба, а я имею дыру в бюджете, взбаламученную войной нацию и очередной регион с партизанами, который надо как-то успокаивать.

– Ну, и не вторгались бы тогда, – с некоторой досадой отвечивал князь. – Не нравится – не воюйте.

– Как же не вторгаться, – всплеснул руками Его Величество, – если у вас там очередное про-имперское восстание, а у меня всенародная поддержка? Ваши за пару-тройку лет всё разнесут, после чего попросят принять оставшиеся руины под имперское крылышко. И ведь откажешь братскому народу – собственные подданные не поймут! Нет уж, я предпочитаю начать пораньше, пока есть что захватывать. Добавьте к этому то, что всякий раз вы ставите меня в неловкое положение со своими капитуляциями...

– Это почему же? – обиделся Его Сиятельство.

– Да потому что казнить я вас не могу, а вы, пока живы, неизбежно вдохновляете реваншистов самим фактом своего существования!

– Мне что, следовало погибнуть на поле боя?

Он встал вполборота к Императору и сделал вид, что лишь сейчас заметил, насколько его элегантный мундир испорчен. В рукаве, на воротнике и ещё в паре мест он был прострелен. Бравший его с боем спецназ блестяще справился с задачей: несколько безобидных царапин сделали транслировавшийся по всем каналам захват размахивающего фамильной шпагой окровавленного князя особенно драматичным. Подстрелили

его столь аккуратно, что уже через неделю всё заросло, а мундир решили не штопать и не менять для сохранения героического образа.

Император аж задохнулся от возмущения и некоторое время был способен только отчаянно мотать головой:

– Ни-ни... – прохрипел он наконец. – Не вздумайте! Кто будет править единственным оставшимся суверенным государством, которое вам предстоит построить? И куда мне прикажете девать всех этих пограничников? А с профсоюзом одуревших от безделья таможенных работников вы разбираться будете?

– Репрессируйте. Вам не впервой.

– И репрессирую, если понадобится! – запальчиво вскричал Его Величество. – Однако, вы забываете, насколько важна ваша роль. Человечеству никак нельзя объединяться до конца. Ему жизненно необходим внешний враг. Нужен объект ненависти и дешёвый импорт, грозящий местным рынкам. Необходим прогресс, подстегиваемый гонкой вооружений, и место, куда с комфортом могут бежать недовольные режимом. Без всего этого Империя закиснет от лени и быстро вцепится сама в себя. Нет уж, извольте вернуться в свою экологическую нишу!

– Не хочу, – капризно молвил князь. – Сколько можно? Я всю жизнь вкалываю как проклятый, создал вам одно за другим три Заокраинных Княжества практически с нуля, но ни разу не был в отпуске. Мне хочется отдохнуть, попутешествовать... Вы знаете, я никогда не видел Империи, если не считать вашего дворца, в который меня возят для подписания капитуляций, да тюрем, в которые меня помещают после этого. Во время побегов, сами понимаете, глазеть некогда.

– Так назначьте уже толкового наследника и отойдите от дел...

– Вот! Про это я тоже хотел с вами поговорить. Из-за вас я одних только жён потерял две... то есть, наверняка уже три, учитывая нынешнюю. И это не считая любовниц!

– Как так потеряли? – опешил Император. – Насколько мне известно, они все живут и здравствуют.

– Да, но не в моих владениях. Жёны всякий раз отказываются покидать Империю, чтобы строить на неосвоенных территориях очередное государство из полукриминального сброда и бесноватых имперских диссидентов. Дескать, не могут оставить своих бывших подданных, стонущих под имперской пятой, и желают разделить их страдания до конца. Мне докладывали, страдают они там с размахом, да и бывшие подданные не отстают, – аристократические черты лица Его Сиятельства на мгновение исказились горькой гримасой. Он с досадой звонко стукнул тростью о мраморный пол, но тут же снова взял себя в руки и продолжил, уже спокойнее. – Наследники тоже не горят желанием. Им, видите ли, и в Империи неплохо живется на остатки моих состояний.

– Всего-то? – рассмеялся Император. – Вы, голубчик, бегите себе со спокойной душой, стройте державу. Как только будет готов приличный дворец – дайте знать. Я сей же час обвиню их всех в работе на ваши спецслужбы и депортирую. Уверен, вы там решите, кого из них захотите видеть законной княгиней. А может, вас заинтересует перспектива многожёнства, а? – лукаво подмигнул он. – Решайте сами. Ваша страна – ваши законы. Найдите среди отпрысков подходящего наследника, а как побтешете – смело на пенсию. В конце концов, я не могу завоёвывать вас вечно. После четвёртой капитуляции народ начнёт что-то такое подозревать.

Застолье

– Мы ознакомились с вашими исследованиями и находимся под глубоким впечатлением, – соврал Император, указывая на лежащую перед ним стопку книг.

Самая верхняя была озаглавлена “Правда о всемирном заговоре рыжих” с припиской мелкими буквами: “Новое исследование от автора актуальных бестселлеров “Корень всех бед” и “Как генетически оздоровить нацию””. Сам автор исследования почтительно примостился на краешке гостевого стула, прикипев восторженным взором к монарху.

– Такие люди, как вы – настоящая опора, фундамент державы. Если бы все граждане были столь же бдительны как вы, м-м... – Император чуть не сказал “мистер”, но это потребовало бы обращения по имени, которое начисто вылетело из его головы в первую же минуту разговора.

Пришлось срочно изображать мечтательное выражение лица, чтобы мычание сошло за восторг при виде миллиардов бдительных граждан, якобы явившихся пред августейшим мысленным взором. Запоздало сообразив, что имя написано на книгах, он покосился на стопку, но инициатива была уже упущена.

– Ваше Величество, – воспользовавшись заминкой, встрял в разговор сочинитель актуальных бестселлеров. – Я всегда верил в вас всей душой! Безумно! Безумно рад, что вы обратили внимание на проблему. Сейчас самое время, ещё не поздно принять меры, но прежде, чем мы начнем действовать, я хотел бы рассказать вам всю правду. Каюсь, не всё решился опубликовать, но вам-то...

– Вот и хорошо, что не решились, – оборвал его Император. – Ни к чему предупреждать врага о том, что мы раскрыли его замыслы. С этого момента мы требуем хранить строгую конспирацию и заняться конкретным делом. Сколько у вас надёжных единомышленников?

– Четверо, – после минутного раздумья ответил автор бестселлеров.

– Хватит для начала. Вы назначаетесь руководителем секретного отдела С-1207 в тайной полиции...

– 1207? Сколько же их...

– Отделы умышленно нумеруются случайным образом, чтобы запутать противника, – снова соврал Император. – Ваши люди поступают к вам в подчинение. Строжайшая тайна. Скрывайте, что были здесь и работаете на спецслужбы. Публикации прекратить, чтобы не показывать противнику степень нашей осведомлённости. Весь собранный материал, особенно списки лиц, представляющих опасность, передавайте координатору. Он, кстати, уже ждет вас в приёмной, чтобы завершить необходимые формальности и выдать первые инструкции. Можете идти.

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество! – новоиспечённый офицер спецслужб вскочил, вытянулся во фронт и отсалютовал, молодецки щёлкнув каблучками. Ну, по крайней мере попытался и даже сумел выдать всё, что позволяли рыхлое телосложение, отсиженный за сочинительством зад и стоптанные полуботинки.

– Ступайте и помните: будущее Империи в ваших руках.

– Так точно!

В приоткрывшейся двери мелькнуло скорбное лицо координатора специальных отделов. Несмотря на безумно высокое жалование и множество льгот, его

должность в спецслужбах не котировалась. Обычно на неё назначали провинившихся.

***

Субботний завтрак был особенным мероприятием. Император всегда проводил его в кругу избранных лиц и с удовольствием затягивал на многие часы, если застольная беседа того стоила. Как правило, компанию ему составляли Личный Отравитель Существования и особым образом выбранный гость. Сегодня это была женщина лет сорока, миловидная, изящная, с очень умными и пронизательными глазами. Она выглядела старше своих лет, и это бросалось в глаза, но отнюдь не портило её. Это был результат скорее стресса от пребывания в оппозиции, нежели возраста. Вид у неё был очень хмурый и решительный.

– Рад вас видеть, Шели, – произнес Император, едва за лакеем закрылась дверь. – Знаю, вы, со своей стороны, как раз предпочли бы меня не видеть, но я просто обязан был вас пригласить. Не даром же я повергаю свои спецслужбы в отчаяние, нанимая легионы идейных стукачей, шизиков и конспирологов и заставляя перечитывать их сочинения.

Женщина лишь фыркнула в ответ, а привычный Отравитель Существования и вовсе проигнорировал вступление. Он придвинул к себе блюдо с овощами и сделал вид, что поглощён нарезанием огурца. В присутствии Императора он принципиально употреблял только самую простую пищу, чтобы подчеркнуть всю глубину презрения к окружавшей его роскоши.

– Однажды я заметил, что чем больше на человека пишут доносов, тем интереснее с ним общаться, даже если я не разделяю его мировоззрения. Так появилась

наша традиция приглашать на субботний завтрак, так сказать, победителя. В большинстве случаев моя теория подтверждалась. Что касается вас, Шели, – тут он с удовольствием окинул молчаливую аудиторию взглядом, задержав его на женщине, – то вы не просто победительница, вы – рекордсменка. Из тысячи двухсот семи стаек клоунов на вас донесли шестьсот пятьдесят три, включая психа, помешанного на всемирном заговоре рыжих, которого мы завербовали всего неделю назад.

– Ско-олько? – Отравитель Сууществования уставился на гостью, позабыв про огурец. Впервые за все время знакомства Император увидел в его глазах восхищение.

Она действительно была рыжей, за исключением седой пряди, начинавшейся чуть выше левого виска. Император вдруг поймал себя на мысли о том, что это чертовски привлекательно.

– Я заинтригован, – честно признался он. – После такого я счёл своим долгом увидеться с вами лично. Вы не арестованы. Это всего лишь завтрак...

– Очень хорошо, – заявила Шели, поднимаясь. – Значит, я могу уйти прямо сейчас.

– Постойте! Вы упускаете уникальную возможность!

Она не остановилась бы, выкрикну это Император, однако голос принадлежал Отравителю Сууществования. Он взволнованно вскочил с места, готовый броситься вслед. Что-то с дребезгом опрокинулось на скатерть, но никто не обратил на это внимания.

– Какую ещё возможность? Развлекать его?

– Нет, высказать ему в лицо всё, что думаете, без малейших последствий.

Она пожала плечами и снова направилась к выходу.

– Он и так всё прекрасно знает.

– Клянусь вам, сукин сын не просто слушает, но и кое-что принимает к сведению. Я с ним завтракаю каждую... гхм... ну, почти каждую субботу, и это не всегда просто застольный трёп. Это ваш шанс быть выслушанной. Поверьте хотя бы мне! Вы знаете, кто я такой. У меня нет причины ему поддакивать.

Она вернулась.

***

– Это был самый длинный и интересный завтрак в моей жизни, – заявил Император, любуясь закатом сквозь хрустальный бокал. – Она великолепна! Воистину, невозможно заработать ненависть лучших дегенератов страны, просто выкрикивая лозунги. Для этого надо думать смело и неординарно, подкреплять свои слова действиями, тревожа коллективное бессознательное своим нежеланием быть частью устойчивой, но неблагоприятной картины мира.

Отравитель не снизошел до ответа. С момента ухода Шели он не произнес ни слова.

– Что это на тебя нашло, мой верный враг? Ты ещё никогда не пытался остановить уходящего гостя. А уж как ты с ней спорил восемь часов кряду! Вижу, беседа стоила тебе по меньшей мере годового запаса слов. Неужели для меня не осталось даже ругательства?

Вместо ответа Отравитель взял с подноса яблоко и принялся хрустеть им, глядя куда-то в сторону.

– Ну вот, – резюмировал Император. – Теперь между нами ещё и ревность.

Пари Императора

– Дорогие граждане Империи! Поздравляю вас с годовщиной моего правления!

Выждав подобающую паузу и жестом заставив аплодисменты утихнуть, Император продолжал:

– За это время была проделана огромная работа!

Истреблены претенденты на трон! Достигнута абсолютная централизация власти в моих руках!

Победоносно завершены войны со всеми соседями, что позволило отменить срочную военную службу за ненадобностью.

Все население поголовно снабжено паспортными имплантами, которые максимально облегчают общение с госструктурами и банками.

Установлена тотальная слежка.

Теперь я всё про вас знаю, даже то, что вы ненавидите слушать мои обращения к народу. И всё равно я вас люблю.

Его Величество подмигнул зрителям (трансляция шла на всю Империю) и плеснул себе минералки из графина, давая присутствующим подобострастно отсмеяться.

– Каждого из вас есть за что посадить. Мелкие кражи, уклонение от налогов, безбилетный проезд, лжесвидетельства, бытовое рукоприкладство и, конечно же, пресловутый переход улицы в неполюженном месте.

Прямо хоть поголовно всех арестовывай.

Вместо этого... Амнистия! Всем политическим заключенным и тем, кто осуждён за нетяжкие преступления.

И ещё: налоги! С этого момента все они отменяются и задолженности по ним прощаются.

Маленькое преимущество абсолютизма: любая прихоть имеет силу закона. Хе-хе...

Последняя пара фраз не была предусмотрена в речи, и пришедшая в замешательство массовка – полный стадион народа – спохватилась и начала аплодировать только после намекающего смешка Императора.

Оборвав овации взмахом руки, он продолжил:

– Да, абсолютизм! И сейчас я им ещё раз воспользуюсь, чтобы, – тут он демонстративно отшвырнул в сторону листки с заготовленной речью и повысил голос, – поговорить с тобой, мой народ, начистоту.

Я – коварный, злобный, беспощадный угнетатель. Некогда филантроп и идеалист, я стал таким, как сейчас, ибо хотел спасти вас от правящей мерзости, а другой возможности пробиться наверх среди дорвавшихся до власти негодяев просто не было. И вот я, Мое Императорское Величество – наихудший негодяй из когда-либо правивших вами.

Я шёл к власти и правил так, что нет мне прощения. Однако, я не забыл, во имя чего себя изуродовал.

Много лет я готовился, и вот – смотрите! – все олигархи, эксплуататоры, казнокрады, взяточники, оборотни в погонах, члены мафий и преступных кланов, наркоторговцы и прочая шваль приговариваются ... к смертной казни!

Он выждал несколько секунд, давая удивлённым перешёптываниям перерасти в восклицания и отдельные панические вскрики, дал первым беспокойно заозиравшимся начать проталкиваться к выходу. И нажал на кнопку.

Мало кто в Империи подозревал, что имплант мог содержать пару крошечных кристаллов взрывчатки.

– Бум!

Ещё одно маленькое преимущество абсолютизма – без суда и следствия. И не надо никому ничего доказывать.

Операторы, пожалуйста, дайте обзор пошире на трибуны...

Надо же! Сливки общества! Элита Империи! И хоть бы один порядочный человек...

Впрочем, я отвлекся.

В качестве компенсации за столь нелицеприятное зрелище – всё имущество этих негодяев подлежит немедленной конфискации и будет разделено строго поровну между всеми жителями Империи.

Он ткнул в следующую кнопку на пульте и с удовольствием отметил, как у видеооператора мгновение спустя округлились глаза и отвисла челюсть.

– А? Уловили, что имплант сообщил о состоянии счета? Изрядная сумма, не правда ли?

Далее – природные ресурсы. Земля, полезные ископаемые и прочее национализируются и тут же строго поровну делятся между жителями Империи. Соответствующие документы, – он ткнул следующую кнопку, – высланы.

Получили? Полезный имплант, вы не находите?

А по поводу взрывчатки не волнуйтесь. Она осталась только в чипах у всяких там... Предателей... – нажатие кнопки.

– Кровавых карателей, – следующая кнопка.

– Ненавидимых в народе Легионов Смерти и спецслужб, – ещё одна.

– А также всяких антиобщественных и деструктивных элементов, – и ещё!

– Теперь, пожалуй, всё. С тиранией, эксплуатацией и отбросами рода человеческого покончено. Вы богаты, свободны и, надеюсь, уже счастливы. Ах, да, чуть не забыл про десерт для этого пиршества прав и свобод!

Его Величество криво улыбнулся в камеру, ткнул в последнюю кнопку на пульте и упал замертво. К нему бросилась свита, заслонив было от зрителей лежащее тело, но тут же расступилась, явив растерянного лейб-медика, который присел, держа бывшего тирана за обмякшее запястье. «Умер...» – тихо выдохнул врач и замер, а вместе с ним и окружающие, которые едва начали набирать в лёгкие воздуха, чтобы издать подходящие случаю восклицания.

Остановившая запись женщина усмехнулась и выпустила в сторону экрана облако сигаретного дыма:

– Ловко ты надул их, дорогой.

– Только в том, что касается моей смерти, да и то лишь из-за условий нашего пари. Всё остальное было настоящим.

Бывший Император в просмотре не участвовал. Он дремал в гамаке, лениво покачиваясь над заросшей сорняками клумбой. Будучи главным действующим лицом, запись он пересмотрел уже неоднократно.

– Ты знаешь, я очень рада, что ты согласился на пари.

– Но десяти лет с момента отставки ещё не прошло...

– Не прошло, однако они уже наставили тебе памятников, насочиняли хвалебных песен и изучают твое историческое наследие.

– Памятников? – мужчина потянулся, сорвал с клумбы травинку, нацелился было задумчиво её пожевать, но спохватился и с отвращением отбросил. – Иди

пойми людей! Я таких дел натворил, пока к власти шёл и правил! Я убил в прямом эфире несколько миллионов человек, наконец! О чём они вообще думают?

– Они думают, что при Императоре им жилось хорошо.

– А сейчас им почему не живётся?

– Сейчас они заняты переделом ресурсов и власти. Я же говорила тебе: свободу отбирает не тот, кто приказывает. Согласный подчиниться сам от неё отрекается. Люди остались прежними, и ты не решил ни одной их проблемы.

– Безнадёжны... Господи, и это ради них я чуть не убил себя! – он на минуту задумался. – Что ж, я и впрямь проиграл, Шели.

– С тебя бутылка виски и больше никакой политики, как договаривались, – лукаво подмигнула женщина.

– Виски уже давно готов. Посмотри в моей тумбочке.

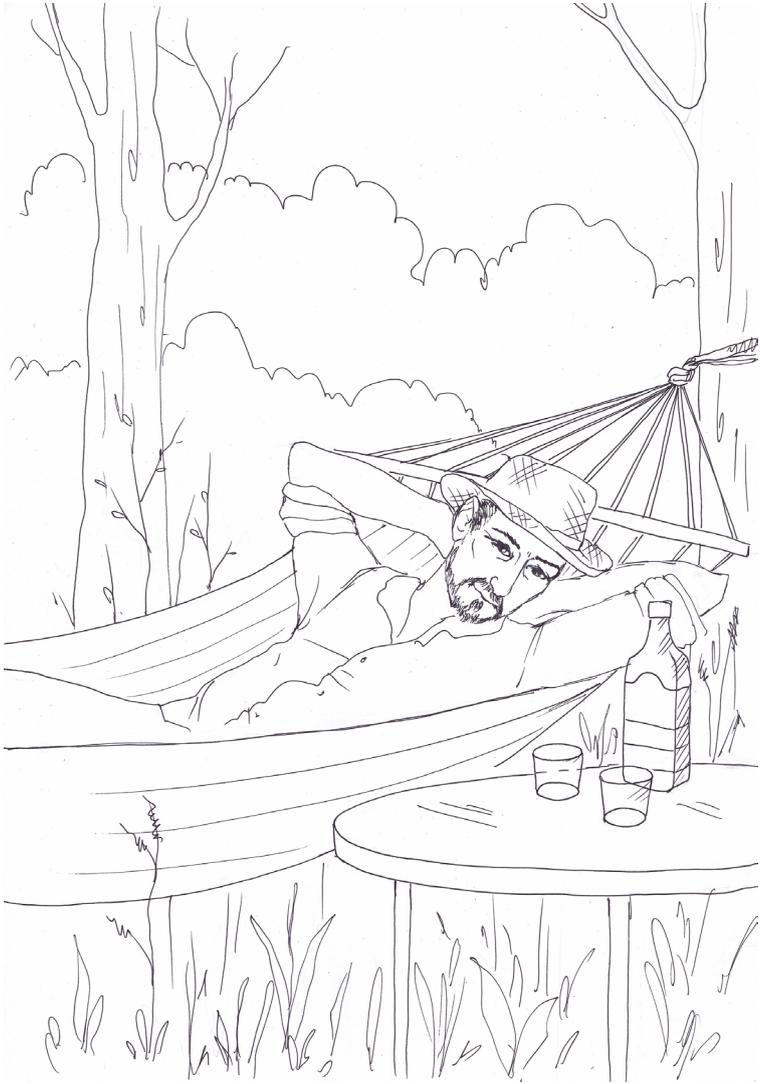
Шели не двинулась с места. Она продолжала смотреть на него, уже без улыбки, напряжённо ожидая продолжения. Человек в гамаке перестал раскачиваться, приподнял край шляпы и покосился на неё.

– Ах да, чуть не забыл! – он улыбнулся. – Обещаю тебе, что ни сейчас, ни по прошествии десяти лет – вообще никогда – не убью себя по-настоящему. К чёрту отсрочку – никогда, слышишь? Они того не стоят. Какое счастье, что я согласился на это твое пари! Ну, ну, хватит тут сидеть и пялиться на меня с глупой улыбкой. Дуй за виски и стаканами, ибо пришло время отметить мою свободу.

– Ты хочешь сказать, что ты к ним не вернёшься, даже если они попросят?

– Ещё чего! Уж кто-кто, а я собственной свободой намерен распорядиться по назначению.

Бывший Император надвинул шляпу на глаза и принялся раскачиваться в гамаке.

readme.txt

27

Дорогой я!

Прежде, чем ты продолжишь чтение, исправь номер, с которого начинается письмо. Увеличь его на единицу.

К файлу имею доступ только я, то есть теперь уже ты, моя очередная копия. Цифра – это счётчик прочтений. Понимать его надо как количество моих копий, которые появились с тех пор, как я осознал проблему.

Скорее всего, дописать я не успею. У тебя времени будет намного больше. Продолжи, если в этом есть необходимость.

Сначала о самом важном. Революция удалась! Аккуратная, не очень большой кровью, с умеренным ущербом территориям и экономике. Более того, нам удалось обеспечить в державе пусть не полный, но порядок. У власти оказалось достаточно компетентных людей с чистыми руками и помыслами.

Оставалось решить лишь одну задачу: сохранить это все. Мы не спали ночей не из-за груза ответственности, а от терзавшего нас ожидания беды, зревшей внутри каждого из нас. История учит, что руки и помыслы после соприкосновения с властью неизбежно теряют чистоту. Как сохранить прежних идеалистов?

Ответ оказался прост и изящен. Матричное клонирование было доведено до ума. Не хватало лишь самой

последней малости – определения момента коллапса мотивации, когда пришло время замены человека на его прежнюю, неиспорченную копию. Была создана программа оценки отклонения мотивации от желаемой. Мы установили её в свои информационные чипы, а возможность добавить туда толику взрывчатки была предусмотрена ещё покойным Императором. Когда сумма отклонений от выбранного курса и убеждений достигала определённой отметки – должен был сработать детонатор. После этого мы сняли копии и автоматизировали процесс замены ключевых людей так, что ни один из нас не мог в него вмешаться.

Зачем я рассказываю тебе то, что ты и так знаешь? Тянул время. Надо было дать прорасти семенам сомнения, которые проклюнулись, когда ты увидел счётчик и задумался о том, что могло пойти не так. Сомнения расцениваются программой как отклонения. Решение изменить курс – тоже. Тебе повезло: ты сомневался уже в тот момент, когда с тебя снимали копию. Мне остаётся только заверить тебя, что сомневался не зря. Думаю, благодаря этому ты уже обречен, если дочитал до этих слов. Ты бросишься действовать, что-то исправлять, но программа не даст изменить ничего существенного. Мы же думали, что все уже устроено как надо и пересмотру не подлежит.

Ты совершенно правильно сомневался в том, что люди, которые прекрасно делают революции, так же хорошо способны и править. За неимением времени, не буду утомлять тебя подробностями. Ты был прав. Чистоты рук и помыслов оказалось недостаточно. Мы со всей своей искренностью и энтузиазмом вели страну к пропасти, полагая, что ведём к лучшему будущему. Кучка наивных иди

Примечание: на этой фразе программа, похоже, зафиксировала коллапс мотивации нашего предшественника. Я продолжу. Мне понадобилась пара дней, чтобы покинуть камеру восстановления и проверить дела снаружи. Подтверждаю всё. Мне лучше уйт

Примечание 2: Я – седьмой. Что стало с предыдущими – не знаю. Был снаружи. Очень плохо. Я не один такой. Говорят, чуть ли не еженедельно чья-то голова разлетается вдребезги непосредственно во время заседаний правительства. Надо принимать решения, но власть парализована, либо слепа. Нам действительно лучше уйти со сцены. Прекратить возрождаться я не могу. Остается только подстроить самому с

Девятый. Да, подстроить себе ловушку! Это письмо – первое, что ты прочтешь после в

Одиннадцатый. Надо попытаться составить его так, чтобы ты всякий раз получал коллапс мотивации до того, как выйдешь нару

Семнадцатый. Не знаю, куда они потянут без нас. Может, в другую пропасть, но хотя бы получат шанс

Двадцать второй. Надеюсь, мои товарищи догадались сделать то же сам

Двадцать шестой. У тебя получило

Двадцать се

**Истории
Нескучного
Городка**

Кнопка Убивания Самого Плохого

– Давай с начала, Блонди, – прорычал шериф. – Ты банк грабил?

– Грабил.

– В кассиров стрелял?

– И даже попал...

– А пожилую леди из очереди ты уложил?

– Старой кляче следовало попридержать язык...

– Даже если ты соврал про всё остальное, вот это, – шериф снял шляпу и нахлобучил на руку. Указательный палец показался снаружи, проскочив в оставленное пулей отверстие. – Это невозможно отрицать. Ты стрелял в меня, шерифа. При исполнении.

– Вот тут как раз не попал...

– И как тогда понимать вот это? – на стол полетела фотография.

Двенадцать трупов без видимых следов насилия, все в мантиях присяжных, лежали не очень аккуратным полукругом. Некоторые лица казались удивленными. В центре воображаемой окружности возвышался на метр над полом каменный не то постамент, не то пюпитр с округлой выпуклостью на верхней грани и блестящей табличкой с неразборчивой из-за масштаба надписью. Оба знали текст наизусть.

“Кнопка Убивания Самого Плохого.

Немедленно убивает самого плохого из присутствующих.

Для срабатывания необходимо 2 и более человек.

Внимание! Устройство принимает решение на основе усреднённых понятий о плохом и хорошем, так, как их понимают присутствующие. Люди за пределами зала на решение не влияют. Действующее законодательство не учитывается.”

– Все честно, шериф. Меня приговорили. Мы с присяжными пришли в комнату с кнопкой. Я нажимал её, пока не остался последним. Когда присяжные кончились – ушёл. Мое право. В следующий раз получше выбирай судей.

– С присяжными такое бывает, – согласился шериф. – Один... Ну, двое за раз. Но чтоб все... – он с досадой шарахнул кулачищем по столу так, что послышался отчетливый хруст. – С момента обнаружения Кнопки такое случилось лишь однажды, когда один несчастный псих оговорил себя, чтобы прославиться. Теперь у меня всё правосудие... кхм... застряло. Никто не хочет идти в присяжные. Говорят, кнопка сломалась.

В это сложно было поверить. Присяжные использовали Кнопку полторы сотни лет, а до этого неизвестно сколько её применяли аборигены, которые, в свою очередь, не претендовали на авторство и приписывали создание устройства богам. Всё это время она исправно адаптировалась под любой набор моральных ценностей, служа как инструментом разрешения споров, так и опасной игрушкой для любителей острых ощущений. В случае с приговорами хотелось играть наверняка, поэтому умышленно создавался численный перевес из двенадцати проверенных присяжных.

– И чего ты от меня теперь хочешь? Поздравлений?

– Я хочу знать, как ты уцелел.

– Нашёл дурака!

Шериф надолго задумался. Помимо прочего, он хотел ещё и торжества справедливости. Традиция

традицией, но нельзя было отпускать мерзавца просто так. Он вздохнул.

– Ну что ж, Блонди... Прежде, чем ты уйдешь, на дорожку, так сказать... Я вызываю тебя на круг Рулетки. Как частное лицо.

– Ого! – Блонди в восторге вскочил со стула.
– Серьёзно?

Шериф кивнул.

– Ставка?

– Двадцать тысяч!

– Вот это мужской разговор! Бегом за секундантами!

Для игры в Рулетку с давних пор требовалось разрешение шерифа, что делало её несбыточной мечтой всех по настоящему азартных игроков. Блонди понимал, что может угодить в ловушку, но не мог пропустить то, что называют игрой всей жизни. Будь ставкой даже карманная мелочь – он бы не нашёл в себе сил отказаться.

***

Спустя всего полчаса они стояли в зале с Кнопкой. Секунданты заканчивали проверку ставок и прочие формальности, спеша поскорее покинуть комнату. Это была не их игра, и рисковать они не хотели. Возбуждённый Блонди болтал без умолку. Шериф думал.

Наконец хлопнула дверь, и секунданты замерли у смотрового окна снаружи.

– Хмм... Что ты сказал? – рассеянно переспросил шериф.

– Я говорю, знаю, за что ты меня не любишь. Это из-за того, что я блондин. Единственный блондин на сотни миль вокруг. Меньшинство. Все вы меня за это ненавидите. И к казни приговорили именно из-за этого.

– Ты говоришь это уже в третий раз... Постой-ка! Что-то подобное ты нёс и присяжным по дороге сюда.

Шериф вышел из задумчивости, и торжество разлилось по его обычно мрачной физиономии.

– Попался, мерзавец! Тебе удалось убедить их в том, что имела место дискриминация. Для того, кто пытается судить по справедливости – очень плохо, хуже не придумаешь. Они чувствовали себя виноватыми. Очень плохими.

Он ткнул пальцем в табличку с инструкцией: “Устройство принимает решение на основе усредненных понятий о плохом и хорошем, так как их понимают присутствующие”.

– Это был мой шанс, – пожал плечами Блонди. – Грех было не воспользоваться.

– Второго шанса не будет. Я обвиняю тебя в умышленном массовом убийстве с помощью демагогии, – рявкнул шериф и хлопнул ладонью по Кнопке Убивания Самого Плохого.

Эквилибриум

Офис шерифа был мало приспособлен для сиесты, что вынуждало его коротать послеобеденные часы дома. Любой знал, что в это время его можно обнаружить в гамаке, но искать было незачем. После истории с Блонди и Кнопкой Убивания Самого Плохого в Нескучном Городке не происходило ничего интереснее собачьей свадьбы, однако затишье это обманывало разве что приезжих. Все остальные наслаждались покоем, в глубине души готовые к моменту, когда поселок вновь начнёт оправдывать свое название.

Шериф покачивался в гамаке, ожидая, когда тень от деревьев сместится так, что солнце начнет светить ему в лицо – верный признак того, что пора приниматься за дела. Сегодня он собирался поправить покосившийся забор вокруг своего жилища, но до этого момента оставались ещё полчаса и четверть стакана коктейля.

Всё началось за мгновение до последнего глотка, знаменовавшего окончание сиесты. Пара крепких фермеров ввалилась во двор, волоча мешок с чем-то отчаянно трепыхающимся. Они почти бегом пересекли дворик и без особых церемоний бросили ношу у ног шерифа, словно охотничьи псы добычу.

– Вот, – заявил тот, что слева, и выжидательно уставился на шерифа, ещё более усиливая сходство с охотничьим псом.

Тот, уже без всякого удовольствия, прикончил коктейль и выбрался из гамака. Парни молчали. На вид они были трезвыми, но помятыми и запыхавшимися. Обитатель мешка лежал смиренно, видимо, осознав всю тщетность своих усилий. Фермеры – народ серьезный, любое дело вершат с внушающей уважение основательностью.

Вот и сейчас они не только упаковали кого-то в мешок, но и спеленали верёвкой снаружи, стянув руки-ноги.

– Кто это?

– Вот, в яслях поймали, – невпопад уточнил тот, что слева, а правый буркнул:

– Погоди, – и, немного поозиравшись, завладел стоявшим у стены черенком от лопаты. Взвесил, рассёк воздух парой пробных взмахов и кивнул: открывай, мол.

Его товарищ ловко распустил узел, скинул петли и пинком поощрил пленника завершить освобождение самостоятельно. Правый замахнулся черенком, словно игрок в гольф, и застыл. Лицо его светилось предвкушением.

Мешок пришёл в движение и опал, явив свету нагого мужчину средних лет. Он был явно из местных – коренастый, загорелый брюнет с тёмно-серыми глазами. Лицо его, покрытое трехнедельной щетиной, было смутно знакомым. Он оказался весьма похож на доставивших его парней, и это шерифу не понравилось. Родственники, сводящие счеты с помощью закона – что может быть омерзительнее? Они не успокоятся, пока не продемонстрируют всю подлость, твердолобость и мелочную злобу, на которые только способны.

– Ох ты ж... Это... – воскликнул в явном замешательстве правый, а его спутник пояснил:

– Он... Оно опять перекинулось.

– Ну прям вылитый двоюродный дядька с Карьера, только помоложе лет на десять, – добавил правый. – Так ты ему не верь. Мы, когда эту тварь в мешок пихали, она другой совсем была.

– Кто ты, – спросил шериф у “твари”.

Мужчину вопрос поставил в тупик. На некоторое время он глубоко задумался, после чего пожал плечами и произнес:

– Я? Я... – и замолчал, словно объяснять было больше нечего.

– Ладно, рассказывайте по порядку. Нет, не хором. Сначала ты. Ты сказал, что поймали его в яслях...

Это заняло какое-то время. Фермеры думают обстоятельно и мысли излагают не спеша. Опытный шериф сумел лишь несколько ускорить процесс, направляя беседу с помощью простых и четко сформулированных вопросов.

Сегодня после полудня в доме, где оставляли на день младенцев под присмотром пары старушек, обнаружилась девчушка лет пяти. Чья она – никто не знал, а сама она, хотя и говорила вполне внятно, имени своего сказать не могла. Бабкам некогда было вести найдёныша к шерифу, посему они попросили помощи вот у этих двух парней, которые как раз проезжали мимо. Им не жалко, благо по пути было – посадили мальчишку в кабину. Мальчишку? Ну, да, это бабки сослепу его за девчонку приняли.

Едва тронулись, малец вроде как чуток расти стал, но сначала решили, что показалось. Всю дорогу он тихо сидел, пока до кабака не доехали. Вот тут-то и началось. Принялся кто-то в кабине песни горланить нетрезвым голосом. Глядь – а на месте мальчонки уж мужик голый сидит, явно с утреца сильно принявший.

– Я ка-как дал с испугу по тормозам, он аж об панель приложился. Ты откуда, говорю, а он – ни здрасьте, ни до свиданья – в кулаки на нас попёр. И хорошо так навалился, со знанием дела, – правый фермер хмыкнул и почесал скулу.

– Не на тех напал, – с удовольствием добавил левый.
– Я дурню нос с первого удара своротил. У меня кулак...
– тут он глянул на дебошира, ища на физиономии подтверждения своего триумфа, и озадаченно умолк.

Нос выглядел как новенький. Да и всё остальное было на месте и никаких видимых повреждений не

наблюдалось. Более того, именно в этот момент существо претерпевало стремительные перемены. Черты лица его смягчились, щетина обратилась в лёгкий пушок, плечи стали покатыми, волосы отросли до лопаток, грудь теперь выглядела скорее женской.

– Дорогая, вернись-ка в дом, – попросил шериф, не оборачиваясь.

За спиной возмущенно фыркнули, хлопнула дверь.

– Ишь, раскомандовался, – неожиданно заявил бывший обитатель мешка. В голосе его дребезжали до боли знакомые интонации, не раз слышанные шерифом от супруги. Кажется, у тирады намечалось продолжение, но оно так и не было озвучено. Существо вновь обратилось в мужчину.

– Это равновесник, парни, – заявил шериф, игнорируя предыдущее замечание. – По-научному – эквилибриум. Сам из себя ничего не представляет, только нахватывается от окружающих всякого качества примерно поровну. За то и прозвище своё получил. Собственного разума он не имеет, но рядом с дурными людьми и сам дурным делается, а с хорошими – хорошим.

– Ага, – сказал правый фермер и взял черенок от лопаты на изготовку.

– Эвон оно что, – поддержал его левый и принялся с большим интересом озираться в поисках подручных средств.

– Стоп! Ты, убери дрын. Это иначе решается.

Шерифу понадобилось всего четверть часа на то, чтобы убедить визитеров, что дальнейшую заботу о добыче он возьмет на себя. И нет, награды за поимку равновесников не предусмотрено, но если вы действительно хотите помочь, сделайте вот что...

Получив инструкции, те, наконец, ушли, то и дело с любопытством оглядываясь.

***

– И что мне теперь с тобой делать? – спросил шериф у своей точной копии, в которую превратился эквилибриум, едва они остались наедине.

Двойник пожал плечами:

– Ты знаешь ответ. В челнок и на орбиту, подальше от людей.

– Кто ты такой-то на самом деле? – вздохнул шериф.

– И это ты знаешь. Эквилибриум не обладает личностью, моралью и прочим. Он – среднее арифметическое от окружающих его людей. Во всех смыслах.

– Знаешь, я случайно догадался. Только краем уха слышал про такое, даже не помню от кого.

– Какая разница?

– Ты прав, никакой. Давай на дорожку...

Шериф достал фляжку и протянул было равновеснику, но вовремя спохватился. Двойника поить бесполезно, он ощутит разницу, только если пьян будет оригинал. Сделал солидный глоток сам. Оба синхронно крикнули, переглянулись и хором расхохотались.

Фляжка вскоре наполовину опустела, и умиротворение снизошло на близнецов. Шериф уже начал склоняться к мнению, что не встречал более душевного собутыльника, когда в воротах появился один из фермеров и жестом показал, что, мол, готово, выходите.

Равновесник не возражал. Будучи полной копией только шерифа, он целиком разделял его убеждения и чувство гражданской ответственности и хранил их до самых ворот, но очутившись на улице, снова изменился, попав под воздействие вернувшихся фермеров, а также того, чем они

набили кузов колымаги. Свежеприобретенный инстинкт самосохранения и желание спасти свою шкуру возобладали в нем. Как и ожидалось, пленник стал подумывать о бегстве, но вместо этого вдруг дернулся, посерел лицом и издал жалобный стон, повиснув на спутнике.

– Вот и чудненько, – усмехнулся в усы шериф, оценив его состояние.

Дотащив слабо упирающееся существо до кабины, он в двух словах объяснил дорогу к стартовой площадке и приказал трогаться. Грузовик принялся реветь, трестись и вонять, и всю дорогу казалось, будто в лягз и дребезг вплетаются чьи-то жалобные стоны. Равновесника тошнило. Повинуясь приобретённым у присутствующих понятиям о приличиях, он уткнулся в давешний мешок и больше никак себя не проявлял.

Наконец, они миновали Нескучный Городок и добрались до стартовой площадки. Шериф отправился возиться с капсулой, фермеры вышли поразмяться и глотнуть воздуха. Существо меж тем совсем слегло. Оно было в сознании, но старалось шевелиться поменьше.

***

– Эй, шериф!

Высокий ломающийся голос принадлежал парню, столь изящному ликом и расплывчатому телосложением, что он мог бы сойти и за девицу. Был он бос и одет в драный и засаленный рабочий комбинезон на голое тело, который стяжал, не иначе, на ближайшей помойке.

– Что это ты тут творишь? – обратился парень к шерифу.

– Избавляю Нескучный Городок от очередного развлечения. А ты кто такой?

– Неужто не догадался?

Тот лишь пожал плечами в ответ, предоставляя новому знакомцу предъявить разгадку самостоятельно.

– Почему ты вдруг решил, что от этого, как ты выражаешься, развлечения надо непременно избавиться?

– Это эквилибриум, парень! Он копирует всех, до кого дотянется, а народец тут всякий живёт. Прибьется к какой-нибудь шпане – лиха не оберёшься. Пусть на орбите хоть закопируется, а нам и так не скучно.

– Тебя послушать, так он действительно опасен, – хмыкнул юноша. – А если хорошо подумать? Бедная тварь не виновата в том, что вы такие.

– Короче, малый... Чего тебе от меня надо?

– Отпусти ребёнка!

– Какого... Это – ребёнок?

– Молодец, лихо соображаешь. Мы обладаем и личностью, и самосознанием, и моральными ценностями, а не только тем, чего у вас нахваталось. Однако, для этого надо вырасти. Он ещё совсем младенец, его сфера восприятия – всего несколько метров. Оттого и меняется непрерывно. Когда она становится порядка десятков километров, сознание стабилизируется и...

– Погоди с лекциями, – прервал его излияния шериф. – Тебя послушать – так ты вроде как взрослый эквилибриум. Доказать можешь? Я даже не слышал, что вы существуете. Только вот про таких, – он кивнул на грузовик, – тварей неразумных.

Собеседник его растерянно моргнул и всплеснул руками, после чего погрузился в размышления. Задумался и шериф. Одно дело – оградить город от потенциально опасного явления, другое – сгубить живое существо. Тем более младенца. Да что там, будь это даже не живое существо, а какая-нибудь природная аномалия, виновата ли она в том, что люди – такие? Не больше, чем зеркало виновато в том, что отражает чью-то гнусную рожу.

- Ты можешь поверить мне на слово?
- Не та у меня должность – на слово верить.
- Тогда...

– погоди, я придумал, – перебил шериф, вспомнив рассказ левого фермера про свернутый нос.

– Выстрелить в меня? – спросил парень, увидев, как рука его двинулась к кобуре. – Ну, конечно! Мне можно навредить, лишь ранив большинство людей в моей сфере восприятия. Валяй!

Грохнул выстрел. На всякий случай – в ногу. Не хотелось бы по недоразумению пристрелить парня, окажись он всего лишь очень убедительным психом. Если же это человек – так поделом ему.

Воспитательный момент пропал втуне: на ноге не появилось ни царапины.

– Что ж, придётся поверить. До сих пор на такое были способны только эквилибриумы. Но где гарантия, что это не означает лишь ещё одно развлечение для Нескучного Городка?

– Мы существуем бок о бок столетиями, но замечаете вы это раз в несколько поколений. Вот тебе и гарантии. Мы далеко от ваших поселений и дела до вас нам нет. А что в вас превращаемся – это случайность, шутка эволюции, которая обнаружилась только с появлением людей...

Шериф уже уяснил ситуацию и теперь едва слушал равновесника, погружённый в свои мысли. Решение зрело в нем, очень простое и, на первый взгляд, абсолютно правильное. Он вертел его и так, и этак, пытаясь поймать себя на излишней сентиментальности и доверчивости. Очень уж хотелось поверить во всё это.

Собеседник истолковал его молчание по своему:

– Послушай, мы не делаем этого специально и осознаем, что это вас раздражает. Мы бы перестали, если бы могли.

– Далеко от поселений, говоришь? Хм...

– Сколько таких, как я, ты видишь на улице? Я выгляжу одновременно как мужчина и женщина, и это слишком бросается в глаза. Уж, поверь, мы не разгуливаем среди вас. Даже не собираемся.

– Ладно, – буркнул шериф. – Убедил. Забирай своего щенка и присматривай за ним получше, чтоб не шастал тут.

***

Избавиться от ходячего недоразумения не составило труда. Ребёнок охотно пошёл за старшим, который задержался лишь для того, чтобы сказать пару полагающихся в такой ситуации слов благодарности. Шериф отмахнулся от них и полез было в кабину, но застыл с ногой, занесённой над ступенькой. Изъян, крившийся в его решении, наконец открылся перед ним со всей своей зловещей очевидностью.

На самом деле, никакой проблемы он не решил. Всё осталось как прежде, и если спустя лет двести очередной непоседа-равновесник заползет к людям... Весь диапазон возможных реакций потомков молнией пронесся перед его мысленным взором. Стремительно развернувшись, он бросился вслед за равновесниками и догнал их у самой кормы грузовика.

– Стой!

– Что случилось?

– Продолжайте держиться от нас подальше. Скрывайтесь, сколько можете. Тысячу, десять тысяч лет. Когда-нибудь мы дорастем до того, чтобы... Нам тоже надо повзрослеть, понимаешь?

Получив в ответ серьёзный кивок, он закончил:

– Сейчас мы не успокоимся до тех пор, пока не найдём способ вас уничтожить. Не потому, что вы опасны. Просто вы другие, и мы уверены: с этим непременно

надо что-то делать. Шутка эволюции, которая... была всегда.

– Понимаю. Не беспокойся, мы же отчасти среднее арифметическое от вас. Когда вы будете готовы – мы почувствуем. Слушай, нам надо идти. Ребенку здесь плохо.

Шериф кивнул и отвернулся. Он был рад окончанию этого нелепого диалога, и твёрдо решил прикончить недопитую фляжку как только равновесники отойдут на приличное расстояние. При них было почему-то неудобно.

Из кузова послышался сдавленный стон. Он открыл дверцу и окинул взором груз. Представшая перед ним картина была плачевной. С десятков помятых, едва живых от похмелья кабацких забулдыг лежали на куче мешков и какой-то соломы.

– Крррасавцы! – удовлетворённо рокотнул шериф. – Как на подбор!

Тряска сделала их мучения по настоящему невыносимыми, позволив надёжно сковать равновесника. Что бы он там ни думал по поводу предстоящего путешествия на орбиту, основная часть его ощущений состояла из тяжкого похмелья и мешала предпринять хоть какие-то активные действия.

Один из страдальцев с трудом разлепил веки и прошептал:

– Шериф... Спаси нас!

– Уже спас, – ухмыльнулся он. – Но придется ещё потерпеть. Нам теперь ехать обратно в город.

– Лучше пристрели...

– У меня есть идея поинтереснее. Вынужден вас поздравить, джентльмены. В кои-то веки вы принесли пользу обществу. От имени сил правопорядка Нескучного Городка по прибытии ставлю вам три круга пива для поправки здоровья.

Проделки древних богов

Ошибка Аполлона

Однажды спешащий на задание Аполлон перепутал кабинки в арсенале и по ошибке прихватил лук и стрелы Амура.

Повод для спешки был серьёзный: генеральное сражение между Фивами и Афинами грозило закончиться победой Фив. Зевс, который болел за Афины, приказал слетать и разобраться, пока ещё не поздно.

В считанные минуты расстреляв полный боекомплект без единого промаха, Аполлон окинул взором поле боя... И схватился за голову.

Никто не умер, но фаланги перестали существовать. У фивян кто-то ещё бегал по полю при оружии и вопил «Брать живыми!», но в целом дело там явно шло к оргии. Афиняне же в ужасе разбегались, соря оружием.

К счастью, Зевс проникся комизмом ситуации, очень смеялся и всё простил. Да и Афины никто захватывать не стал.

А Фивы... В Фивах ветераны сражения основали легендарную Священную Фалангу.

Источник мудрости

– Вы позволите мне испить из этого источника мудрости?

– Пожалуйста. Оплата – один глаз, – немедленно откликнулся великан.

– Хмм... как-то...

– Зато неограниченный доступ! Хоть топись.

– Ладно, согласен. Сейчас...

Напившись вдоволь, Один удалился, так и не проронив больше ни слова. Шёл, скреб в затылке, лоб морщил, временами хмыкал задумчиво.

Мимир так же молча провожал его взглядом. Ухмылялся криво, качал головой, косясь на зловещий трофей на ладони.

– Ну и сволочь же ты, Мимир! Это ж не твой источник. Не стыдно плату взимать?

– Ни капельки. Он хотел испить из волшебного источника и вмиг стать мудрым. Испил. Глянь, мудреет на глазах.

– Но это же обычная вода!

– Вот именно! Скоро и до него это дойдет, ведь он, наконец, начал пользоваться головой по назначению.

– Он вернётся и убьёт тебя.

– Не убьёт. Он же теперь мудрый. Я научил его обдумывать поступки до их совершения, а не наоборот. Мудрец не сводит счёты с теми, кто преподал ему важнейший жизненный урок.

– Глаз-то тебе зачем?

– Коллекционирую.

Перевозчик

– Опять все налегке, паразиты, чтоб вас...

Говоривший чёрно-белым пятном выделялся на фоне противных серых сумерек: тёмная кожа, запущенная седая грива и борода, а из одежды лишь чёрное весло в жилистых ручищах с белыми ногтями. Был он нечеловечески высок и столь костляв, словно голодает уже пару веков. Особенной жути нагоняли сверкающие из-под косматых белых бровей бешеные глаза.

– Вплывь! Все вплывь! И попробуйте только отстать от лодки! Враз веслом приласкаю – мало не покажется. А ну, стройся по шестеро в ряд!

Его слушатели, нагие и перепуганные, начали бестолково суетиться, пытаясь построиться. Кто-то всхлипывал. Перевозчик споро выравнивал строй, протягивая вдоль рядов весло. Длины хватало на шесть человек с небольшим запасом. Было ясно: захочет «приласкать» – дотянется до любого.

– А ты чего встал? По башке захотел? Ух ты! В кои-то веки... Одетый! – он немедленно сбавил тон и осторожно попросил: – Слушай, дружище, пошарь-ка за пазухой насчет съестного. Вдруг чего?

Я пошарил. В карманах обнаружили три леденца и раскрошенное карамельное печенье – ровно одно – в прозрачной упаковке. Я прихватил их в какой-то кафешке «на дорожку» и всё забывал выбросить. Вот уж не думал, что они до сих пор со мной!

– Ух ты! Давай!

Не дожидаясь приглашения, он сгреб всё это с моей ладони, пару мгновений потратил на сообразить как

вскрываются упаковки и ещё четверть мгновения – на проглотить до крошки. Постоял немного, зажмурясь, выдохнул с чувством:

– Садись! – и указал на темнеющую на берегу лодку.
– Садись! Ох, порадовал деда! Я уж думал было... – тут он оборвал себя на полуслове и рявкнул на остальных: – Готовы? Пошли в воду! Плыть справа от лодки, молча и не отставать, а то я вас... Ну, поняли, короче...

Оттолкнувшись от берега, он размеренно заработал веслом.

– А почему ты остальных в лодку не взял?

– Попробуй не жрать сотню лет – поймёшь. Уже даже с деньгами перестали являться. Что мне, задаром грести теперь? Хотя на кой мне деньги, опять же... – Харон досадливо сплюнул в Стикс, аккуратно за правый борт.

– Ну что же вы так, любезный? – донеслось оттуда.

Я обернулся на голос и вытаращил глаза. Один из пловцов не плыл, а вовсе даже шёл по воде аки посуху. Он улыбнулся мне и продолжил:

– Отсюда же пьют! А некоторые, вон, и плывут вашей милостью.

– Опять ты, зануда? – буркнул Харон, даже не покосившись на говорящего. – Лучше б обо мне похлопотал и пожрать принёс. А эти – эти один хрен сейчас нахлеблются и всё забудут.

Идущий по воде укоризненно покачал головой и наклонился, чтобы поддержать одного из соседей, который и впрямь стал захлебываться. А Харон продолжил:

– Как тут не озвереть? Сначала придумали Харона. Ну, придумали – вот он я теперь, спасибо.

Расчувствовавшись, он во время очередного взмаха едва мазнул веслом по поверхности воды и чуть не потерял равновесия. Лодка накренилась, сделав зловещие

тёмные воды пугающе близкими, но быстро выправи-
лась, повинуясь опытному гребцу.

– Поначалу всех с едой хоронили, – продолжал он, несколько поостыв. – Отожрался так, что едва лодка держала. Потом – с деньгами и прочим хламом стали являться – все ещё что-то перепадало. А в последнее время – как обрубил. Осталась только смутная вера в существование Харона. С ней и умирают, являются в чем родились, а я – обслуживай.

Он покосился за борт, где идущий по воде человек обходил плывущих, наклонялся к ним, что-то шептал, помогал держаться на плаву.

– Этот уже давно сюда ходить повадился. Меня со-
вестит, их – утешает. Нет бы подсказать... Да прекрати
ты так жалостливо на них пялиться! Ещё один на мою
голову! – прикрикнул он на меня. – Нет бы, говорю,
подсказать, что можно не плыть, а идти. Но ему утешать
нравится.

– Они что, тоже могут идти?

– Могут. Только ещё ни один не догадался
попробовать.

– Так сам им подскажи!

– Вот ещё! Они меня голодом морить будут, а я им –
помогать? Пусть хлебают! Заслужили! Творцы хреновы...

Без смысла

Хранил как-то Вишну у себя во дворце смысл жизни.

Он вообще любил всякие полезности хранить, так что всё уже было забито и место нашлось только в гостевой горнице.

Ходили к Вишну паломники, святые люди. В прихожей ладошки у лба складывали, кланялись:

– Нам смысл жизни посмотреть любопытно.

Улыбался Вишну, вёл их в гостевую горницу. Толпились паломники, благоговели наперебой:

– Ух ты ж ё...

– Кто бы мог подумать...

– Как же я сразу-то не догадался...

– А можно теперь обратно? Да я с таким-то знанием...

– А вот нельзя теперь, – отвечал Вишну. – Негоже всем такую тайну на халяву знать. Сразу людям скучно жить станет.

– И то верно, – кивали паломники и оставались на небесах, кому где нравилось.

И зашёл как-то в гости Шива. Позволь, говорит, у тебя тут помедитировать.

Вишну не жалко, пустил, поместил в гостевой горнице, ибо, во-первых, негде больше, а во-вторых, на то она и гостевая.

Принялся было Шива медитировать, как вдруг – паломники. Потом ещё и ещё. А медитация, чтоб вы знали, это не после обеда вздремнуть. Тут настрой нужен, покой, уединение, да откуда ж им взяться в подобной обстановке! А терпения у Шивы почти что и нет, да и желания вникать-разбираться отродясь не водилось.

Всего-то веков через пятнадцать оно возьми да и кончись совсем.

Короче, когда очередная группа явилась, он хватъ трезубец да как жахнет.

– Надоели, – говорит, – каждый год дверью хлопать!

И не стало смысла жизни. Святых людей тоже, но их по привычке так и не хватились. А вот смысл жизни – ищут, конечно, ведь историю удалось по-тихому замаять.

С тех пор Вишну святым людям на пороге улыбается вежливо в ответ на поклоны и просит заходить в следующую югу³.

---

³ Юга (санскр.) – эра

Как Шива конец света предотвратил

Прознал один святой человек, что на одной высокой-превысокой горе Шива медитирует. Очень кстати прознал, ибо было у святого человека к Шиве дело.

Добрался до горы, месяц вверх карабкался. Последнюю неделю уже без еды и воды, на одном энтузиазме. Превозмог, достиг вершины – а там и впрямь Шива.

– Тебе чего? – с подозрением так спрашивает.

Святой человек в ноги пал, вещает:

– Есть у меня идея, как достичь Золотого Века!

– Ну-ка, ну-ка? – Шива аж один глаз слегка приоткрыл от любопытства.

– Всего-то и надо, чтоб ты пошёл и сокрушил всех людей, которые способны на идиотский поступок! Тогда в мире останутся только люди хорошие, праведные, навроде меня. Чем не Золотой Век, а?

– И то дело...

И тут этак трезубцем ка-ак жахнуло – и не стало святого человека. Стала дырка в земле и чуток копоти.

– Это ж каким идиотом надо быть, – нравоучительно заметил Шива, – чтобы переться в такую даль и высь, себя не жалеть, меня будить – и все только затем, чтобы сдуру да из лучших побуждений род людской поголовно истребить?

Увы, мудрость его пропала втуне, ибо дело было без свидетелей. Так люди ничему из этой истории и не научились.

Пепел

– Это прекрасно, но...

Бумага потемнела, начала стремительно обугливаться по краям, и Андрей поспешил смахнуть её в стоящее рядом со столом жестяное ведро.

– ...опять не то.

Вспыхнув на лету, гибнущая рукопись болидом врезалась в скопившийся на дне пепел, и облачко чёрных с проседью хлопьев взметнулось вверх. Казалось, душа неродившейся книги покинула корчащиеся в огне страницы, чтобы покрыть собою обшарпанный письменный стол и сидящего за ним человека.

– Попробуй ещё раз.

– Боюсь, лучше я уже не смогу, – тихо отозвался Андрей.

Он не отрываясь смотрел на ведро, в котором одна за другой погибли его работы. Десятки? Сотни? Он уже давно сбился со счета.

– Ох, трудно с вами, поэтами! Вдохновение вам подавай, самолюбие тешь. Еще немного, и я начну жалеть, что я не муза. С зодчими куда как легче.

Вот этого говорить не следовало. Андрей немедленно вспомнил про деда Платона, и вдохновения это воспоминание не принесло.

***

Помимо хрестоматийной внешности – седая борода лопатой, лукавый прищур и огромные крестьянские ручищи – дед обладал просто неприличной для своего

возраста крепостью тела и духа. Андрей уже умудрился вспотеть, выдохнуться и приуныть, а Платон шагал все так же широко и размеренно, попутно успевая болтать и курить “козьи ножки”. Самокрутки эти поражали своей архаичностью: с едким домашним самосадом, из древней районной газеты, часто поминающей в заголовках съезды КПСС. Под статью была и дедова манера выражаться:

– Греки мы, милоч. Вся деревня как один человек. Да ты не смотри, что я по-русски-то чешу как первый встречный. Вижу: не веришь. Хочешь, “Одиссею” наизусть прочту, по-гречески?

Андрей поспешно замотал головой. “Одиссея” на любом языке способна превратить трудную дорогу в просто невыносимую.

– Ото ж! – удовлетворенно резюмировал дед и окутался клубами дыма. – Да не кисни ты, Андрюшенька. Шагов двести ещё – и придем. Аккурат за этим взгорочком он и стоит. Увидишь свой... феномен.

Он хмыкнул насмешливо и добавил:

– Кому феномен, а кому, почитай, каторга.

– *Кому каторга, а кому и храм. Да ты пиши, пиши, не отвлекайся!*

***

Творение деда Платона возвышалось посреди заросшего дремучими сорняками поля, пронизанного паутиной тропинок. Непривычно прямые, все они сходились к одной точке – воротам деревянного дворца, который запросто мог вместить всё население деревни. Даже не будь он щедро украшен тончайшей резьбой – все равно

его можно было без преувеличения назвать шедевром деревянного зодчества.

Андрей сунулся было к шедшему рядом деду с восторгами, но тот лишь пожал плечами и скрылся в недрах здания, унося с собой ящик с инструментами и вязанку каких-то реек.

Изнутри дворец был менее приспособленным для жилья, чем казалось. Большую часть его занимало огромное, тщательно украшенное помещение с возвышением в дальней от входа части. Резьба и роспись изобиловали сценами охоты и, почему-то, бесчисленными изображениями медведей. Все это наводило на мысли о храме, но отсутствие узнаваемых религиозных символов сбивало с толку окончательно.

Остаток дня Андрей провел с фотоаппаратом, а когда закончилась карта памяти – с блокнотом и диктофоном в руках. Даже если дед заливал насчёт всего остального, дворец-храм сам по себе был прекрасным материалом для статьи, а то и нескольких.

Платон явился когда окончательно стемнело, и махнул рукой в сторону выхода. Отойдя шагов на двадцать от здания, он остановился к нему спиной и зашарил по карманам. Долго возился, сначала скручивая очередную папиросу, а потом терзая спичкой стёртый бок коробка, и лишь жадно затянувшись и выпустив первое облако дыма, нарушил молчание:

– Ну, вот и всё. В жизни ничего краше не строил.

– Не жалко? Столько труда...

– Жалко, – буркнул дед. – Верить ли, каждый раз плачу. Да разве ж слезьми такое потушишь... Эх! Но как попало тоже нельзя. Иначе... А, ладно... Садись ужинать, Андрюша. Время есть.

– А вот теперь очень важный момент. Ты же не верил старику до последнего, так?

***

Полночь застала их возле дворца-храма. Томясь ожиданием, Андрей поминутно проверял аппаратуру и записывал на диктофон эмоциональные замечания. Платон молча дымил самокруткой, не спуская глаз со своего шедевра. Больше ничего не происходило.

– Так что? Вы думаете, действительно сгорит? – наконец решился спросить Андрей.

Дед в очередной раз окутался дымом и негромко отозвался:

– Всегда горело.

– Может, кто-то поджигает?

– Бывало. Немцы жгли в империалистическую, в Гражданскую белые и красные по разу, затем в Отечественную – румыны... – дед помолчал, досадливо сопя. – Только я тебе, милок, вот что скажу. Ни один человек не подожжёт, чтоб каждое брёвнышко разом полыхнуло, да так, словно его в керосине вымачивали. Сколько раз своими глазами видел: вокруг ни души, а оно само вдруг р-раз – и пламя до небес.

– Из камня строить не пробовали?

– А то! Ещё как пробовал! Только с деревом оно просто. Дотла выгорит, золу по полям-огородам раскидал на удобрение – и строй себе сызнава. А камень этот... Круши его потом, выворачивай из кладки. Закопчённый-то! Сам уломаешься, грязный как чертяка... Тьфу!

– Может, не строить тогда вообще?

Дед немедленно помрачнел:

– А ты иди попробуй не строить-то! В какой день не строю – сон снится, будто дом мой вот так же... Каждое

брёвнышко разом... А сам внутри! – дед помолчал, глядя куда-то в сторону. – Ну, сон – бог с ним, да только на двадцатый день просыпаешься, а оно и не сон уже. После второго раза я с этим не шутил.

– Может, место тут такое? Почему бы вам не переехать?

– Да потому что на новом месте всё так же будет! Как хочешь назови – сглазом ли, порчей, но оно следом переедет. Ты, милоч, нос-то не криви. Тут люди и пошире лбами бывали, учёные с приборами, да всё одно ничего не поняли. Нет у них прибора, чтоб такое замерять.

– И давно это у вас?

– Да сколько Погореловка стоит. Веков двадцать пять уж, ещё когда тут городишко греческой стоял. Вот от них мы и... – заметив, что на лице слушателя все отчетливей проступает сомнение, дед оборвал себя на середине фразы и вспылал. – Знаешь что, голубь? Утомился я тебя убеждать. Сиди себе, жди полуночи. Там и глянем, скривишь ты такую же рожу, аль нет.

Взглянув на часы, Андрей торжествующе воскликнул:

– Так ведь полночь-то уже прошла. Полпервого, Платон Леонидыч!

– *Неплохо. Осталось правильно показать момент, когда ты уверовал...*

***

– Шутишь? Часы давно подводил? – Платон неожиданно всполошился и начал озираться, после чего вскочил и всплеснул руками. – Как же так? И впрямь, полночь миновала. Неужто забыл что-то? Не достроил? Да не может же быть. Должно уже полыхнуть-то!

И застыл как вкопанный.

– Не полыхнет, – громко и отчётливо произнёс женский голос.

Откуда? Андрей вертел головой в поисках источника этого голоса, пока не наткнулся глазами на деда. Тот уже стоял на коленях, воздев руки к небу и лопотал что-то на смутно знакомом языке. Деревенское оканье начисто исчезло из его речи. Вид у него был совершенно безумный, однако больше всего Андрея почему-то потрясло зрелище оброненной самокрутки, которая тлела в траве возле колена деда.

– Этот годится. Я останусь в нём, – продолжал голос.

Платон заговорил громче, срываясь на крик. Кажется, спрашивал о чем-то.

– Ты искупил своё кощунство. Мы квиты, – ответили ему. – Ступай, Герострат, Тартар заждался.

Тот, кто называл себя Платоном, обмяк, съёжился – и в следующее мгновение лишь груды тряпья напоминала о том, что здесь находился живой человек.

Андрей побежал.

***

– Глупо. От меня ещё никто не убежал, – улыбнулась Артемида.

Андрей собрал листы с четверостишиями в аккуратную стопку и хотел было протянуть ей для ознакомления, но запоздало сообразил, что всё это время она подглядывала через плечо. Встретившись взглядом с богиней, он обречённо вздохнул и бросил всю стопку в ведро. Бумага мгновенно вспыхнула.

– Слушай, почему именно я? – устало спросил Андрей. – Герострат – это можно понять, он расплачивался за поджог твоего храма. Но я-то? Я случайный зритель и ни в чём перед тобой не виноват.

– Быть виноватым не обязательно. Лишь бы человек был подходящий.

– Я – подходящий?

– Ты – единственный из живущих смертных, кто верит в моё существование.

– Но поэт из меня... Ты же сама сжигаешь всё, что я пишу!

– Да и из Герострата зодчий поначалу был не очень. Он строил, пока не получился настоящий храм, а ты будешь писать, пока все не почувствуют, как именно твоё сомнение перековалось в веру. То же самое должно произойти с каждым, кто прочтёт эти строки.

– Ах, вот ты о чём! Могла бы сразу сказать, что тебе нужно Священное Писание...

– Мне нужно... что?

– ...и пророк.

– Какой ещё пророк?

– Сейчас, сейчас, – Андрей уже рылся на книжной полке. – В наше время этот процесс великолепно отлажен. У меня тут есть пара прекрасных образцов. Тебе понравится. Можно это будет в прозе?

Вдохновительница

“Деля с кем-то постель, ты непременно напрашиваешься на сомнительные процедуры, вроде лежания на крошках или соревнования по перетягиванию одеяла. Сегодня нас балуют разнообразием – тянут со стороны ног. Ну, сейчас я покажу этому... Этой... сутулой тётке в простыне...”

Мария тихо ахнула и села, машинально натянув одеяло на себя. Такие события надо приветствовать должным образом – с отвисшей челюстью и вытаращенными глазами, ибо не всякий день видишь наяву то, что ранее являлось только во сне. Муза, как и обещала, явилась воочию.

Дождавшись, пока она проморгается, муза выразительно нахмурила брови и кивнула на постель справа: не разбуди, после чего тихо выскользнула из комнаты. Первый испуг быстро прошёл, оставив после себя лишь любопытство и то самое дивное ощущение, которое возникает, когда сознание прикрывает лавочку, отказываясь давать рациональную оценку происходящему. Мария осторожно выбралась из постели и проследовала за гостьей.

Муза не была сутулой. В коридоре она с явным наслаждением расправила крылья и легко воспарила, насколько позволяя потолок. Плеснули края туники, той самой, что спросонья показалась простыней, крыло легко коснулось щеки. Опускаясь на пол, она развернулась лицом к девушке, одарив её приветливой улыбкой.

Некоторое время обе молчали. Муза совершенно беззастенчиво рассматривала её, склонив голову к плечу. Мария не осталась в долгу и тоже добросовестно тарачилась на утреннее видение.

– Ты очень красивая, – заявило видение, явно довольное осмотром.

– ...кто бы говорил...

– Это хорошо, – продолжила муза, явным образом игнорируя её замечание. – Это просто великолепно! Он наверняка уже безумно влюбился, – и добавила со значением. – Пойдём на кухню. Я сварила кофе.

***

К кофе прилагался завтрак – омлет в виде сердечка, какой-то салатик с хитрым соусом и пара дымящихся тонких хлебцев с семечками.

– Очень интересно, – пробормотала Мария. – Вот уж не думала, что музы готовят завтраки.

В ответ муза, которая уже успела грациозно опуститься на стул и взять чашку, рассмеялась:

– Да что ты говоришь? Пять минут назад ты не верила в моё существование, а сейчас уже решаешь, что для меня естественно, а что нет. Ох уж эти стереотипы... Ну, что ты стоишь? Не отказывай мне в удовольствии угостить тебя завтраком.

Фыркнув в ответ, Мария заняла свободный стул. Она всё ещё не решила, как относиться к происходящему, но придраться было не к чему. При всей своей необычности, утренняя гостья вела себя вполне дружелюбно.

Расправляясь с салатиком, она продолжила изучать сидящее напротив существо. В том, что перед ней не человек, не было никаких сомнений. Даже если не обращать внимания на крылья – люди так не двигаются, не замирают надолго в нарочито картинной позе.

Казалось, перед ней статуя, которая время от времени ненадолго оживает, чтобы изобразить новое

чувство и снова окаменеть. Ни единое движение музы не было простым: она не летала, а парила, не сидела, а восседала, не смотрела, а устремляла взор. А уж глаза её... У людей не бывает немигающих глаз цвета лазури, зрачки которых даже днем горят бешеным оранжевым светом. Пламя, готовое в любой момент вырваться с обратной стороны этого зеркала души, не сулило ничего хорошего.

– Что-то мне не верится, – заявила Мария, когда дело дошло до кофе, – что ты разбудила меня в такую рань с целью всего лишь угостить завтраком. Поболтать можно было и во сне, как раньше.

Муза снова улыбнулась. Ещё один красивый, тщательно выверенный жест. Она словно следовала некоему канону: чтобы произвести на собеседника хорошее впечатление, надо именно вот так поднять уголки губ, обнажить именно вот столько зубов и вот так склонить голову. Однако, за внешней приязнью улыбки отчётливо проступала нервозность. Не прекрасная статуя – натянутая серебряная струна, способная как породить небесной красоты мелодию, так и в любой момент лопнуть с противным визгом, запечатлевая рубец на руке музыканта.

– У меня для тебя две важные новости. Сообщи я их во сне – ты бы совершенно справедливо решила, что тебе всё приснилось.

– Хм, пожалуй, ты права...

– Во-первых, тебе пора уходить, девочка. Самое время, – заявила муза.

– Это ещё почему?

– Он уже без ума от любви, а тебе пока ещё всё равно, чем кончится эта интрижка. Нет, ты не кипятись, дослушай. Он поэт. Таким, как он, необходимы новые

сильные чувства. Я очень благодарна тебе за то, что ты снова воспламенила его душу, но... – муза сделала эффектную паузу и изобразила светлую печаль. – Если вы продолжите, то ты полюбишь его, окружишь заботой и вниманием. Сделаешь счастливым.

– А что в этом плохого?

– Поэт, – провозгласила муза, – не должен быть счастлив или, хуже того, доволен. Что интересного может написать довольный поэт? Да ничего! Их святая обязанность – переживать и гореть чувством. А моё призвание – обеспечить ему такое состояние духа. И вот, я прошу тебя: уходи. Так лучше для всех. Я знаю, тебе сейчас не хочется на это соглашаться, но ещё пара дней – и будет больно, а я не хочу, чтобы ты страдала.

– А если я не соглашусь?

– Это будет очень печально. Его душевный подъем пройдет зря. Если ты думаешь, что я буду молча наблюдать за этим... – очарование окончательно покинуло улыбку музы, оставив после себя лишь недобрый оскал. – Я могу вдохновить на разное. Он такой же, как все люди, в том смысле, что в душе у него достаточно дряни. Мне ничего не стоит дать этому проявиться, – муза помолчала, внимательно рассматривая пустую чашку, и продолжила, уже тише. – Одна упрямая девчонка цеплялась за него целый месяц. А уж что он вытворял... Самое обидное – пропал такой порыв... Не делай этого, ладно? Я знаю, ты упрямая. Но... – она перешла на сбивчивый умоляющий шёпот. – Прошу тебя, ведь тебе пока ещё всё равно. Вокруг полно хороших парней, а он такой один. Уходи. Пожалуйста!

Муза замолчала и воззрилась на неё с ожиданием. Мольба в этих нечеловеческих глазах выглядела так же дико, как и резкие смены тона – дружелюбие, угрозы,

отчаяние. Будь она человеком, можно было бы заподозрить безумие.

Мария молчала, обдумывая ситуацию. Не то, чтобы ей было наплевать, но нынешнее увлечение, пожалуй, и впрямь не стоило того, чтобы проверять, на что способно это странное существо.

Время шло. Застывшее напротив прекрасное извятие оставалось неподвижным. Лишь пламя в глубине не умеющих моргать лазурных глаз постепенно разгоралось. Гневом? Нетерпением?

– Хорошо, – решила она. – Но я бы хотела иногда видиться с ним.

– Конечно! – просияла муза с явным облегчением. – Через пару месяцев – запросто. Но сегодня тебе лучше не... Ох...

Проследив за остановившимся взглядом собеседницы, она воззрилась на свою руку и осеклась. Между изящных пальчиков сочилась тёмная кашица кофейной гущи пополам с перемолотым в песок фарфором – всё что, осталось от чашки, которую она стиснула в кулаке во время напряженного ожидания.

– Это от волнения, – смущённо потупясь, пояснила она и замолчала.

– Э-это... Пустяки, бывает, – наконец выдавила Мария. – А что насчёт второй новости?

– Тебе посвятят невиданной красоты поэму. Теперь точно посвятят...

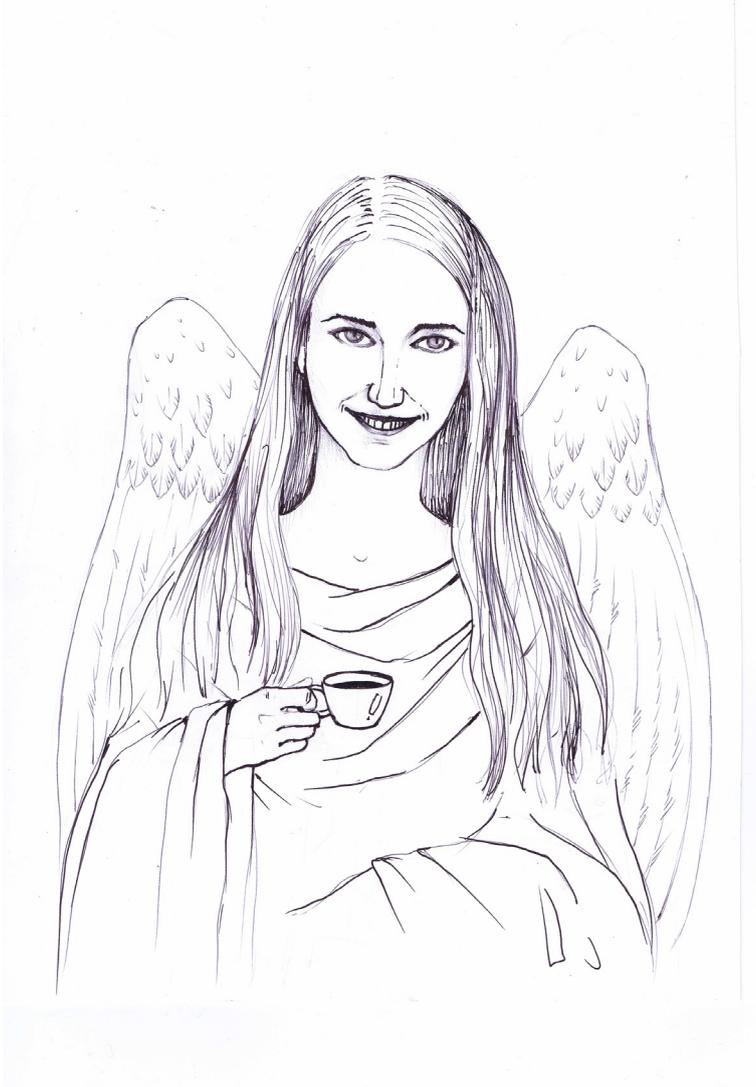
Оставшись одна, муза тщательно уничтожила следы раннего завтрака и вернулась в спальню, держа в руках несколько предметов, которые тайком позаимствовала у Марии. Расчёску она положила на тумбочку у кровати, перчатки – на подоконник. Капнула духов на пустую

подушку, легко нырнула под одеяло и замерла, всматриваясь в лицо поэта.

– Мой, – едва слышно прошептала она. – Снова мой и ничей больше.

Однако, постель согрелась уже достаточно. Пора было начинать. Она положила руку на плечо спящего, поцеловала его в лоб. Он улыбнулся и, не открывая глаз, попытался обнять её, но рука встретила пустоту. Там, где только что лежала муза, тихо опадало одеяло.

Поэт проснулся, ещё не зная о том, что сегодня он обречен создать шедевр.

Герой в отставке

Геракл хандрил. Он уже который день понуро плёлся вперёд, даже не интересуясь тем, куда ведёт дорога.

Не поднимая головы можно было смотреть на пару шагов вперёд. Достаточно, чтобы видеть, куда поставить усталую ногу в стоптанной сандалиии. Если скосить глаза вправо или влево – редкая растительность и камни по обочинам. Вполне достаточно для человека, который устал от жизни. А если обернуться – можно увидеть ещё и цепочку следов в дорожной пыли, поверх всех других отпечатков ног и колёс, затоптанных, размытых ветром. Исчезающих.

Оборачивался он часто. Нет, за ним наверняка не гнались. Вряд ли найдутся желающие бессмысленно гибнуть. Да и кто сейчас станет всерьёз выполнять приказы царя Эврисфея? Нет, погони он не боялся. То было другое чувство, ярче, острее.

Там, несколько дней и тысяч шагов назад, он совершил то, что давно следовало. Он забрал обратно свою жизнь. То, что от неё осталось.

***

– Опять ты призвал меня, Эврисфей! Но молчи! Я не хочу даже знать, чего ты сейчас попросишь – звёзд с неба или пару ручных гекатонхейров, чтобы запрячь в твою золотую колесницу.

Молчи, царь! Долгие годы я выполнял твои приказы. Ты, робкий и слабый, решал, куда я пойду и что буду делать. Ты украл мою жизнь, Эврисфей, и потратил её на капризы!

С меня хватит! Я больше не выполню ни одного твоего приказа. Я забираю свою свободу, свою жизнь, обратно – и ухожу.

А ты – оставайся и жди беды и презрения. Ибо кто ты без Геракла, если не ничтожество? Кому ты страшен, если твоё слово не подкреплено моим делом?

– Стража! – взвизгнул, наконец, Эврисфей, проворно прячась за спинкой трона.

Враз побледневшие стражники неохотно потянули мечи из ножен и стали осторожно окружать бунтовщика.

– Ах ты, червь навозный! – возмутился Геракл, и в два прыжка достиг трона, бережно смахнув по пути нескольких телохранителей. – Не стерпел правды, людей на верную смерть послал. А сам-то волоса их не стоишь. Знай свое место!

Бросок вышел – загляденье. Случись дело на Играх, главный приз и овации были бы Гераклу обеспечены. Но, увы, метание царей в Игры не входит, и потому, когда Эврисфей по красивой дуге проследовал из окна в кучу навоза у конюшни и скрылся в ней по пояс, когда истошный вопль пресёкся жалким булькающим всхлипом и шлепком, наградой герою был лишь дружный хохот царедворцев и придушенный кашель стражников, давящихся не положенным при исполнении смехом.

Его не остановили и не преследовали. Трусливого и капризного Эврисфея не любили, но терпели из страха перед Гераклом. А сейчас... “...кто ты без Геракла?” Всем было интересно, как тот станет выкручиваться, когда выберется из навозной кучи.

Он не задержался чтобы посмотреть. Он шёл доживать то, что осталось от украденной жизни.

***

Гермес явился на пятый день.

– Ну, и как тебе нравятся люди?

– Отвратительно, – Геракл отхлебнул из меха неразбавленного кислого вина, поморщился и сплюнул. Закусывать не стал: хотелось поскорее напиться.

– Рассмотрел, значит, вблизи. Понял уже, что не по тебе компания? Что дальше?

– Напьюсь.

– Ты вчера напивался. И позавчера. Не помогло. Ты этак можешь весь остаток жизни...

– Зачем пришёл? – перебил его Геракл. – Говори прямо, – и снова потянулся за вином.

– Вернись к царю. Он готов тебя простить. Эх ты его: “Кто ты без Геракла?”... Понял он, всё понял... На твоих условиях. Просто вернись и предложи примириться. Ну, не с этими же тебе жить, – он кивнул в сторону деревни.

Ответом ему было бульканье: за всё время тирады и долго после неё Геракл так и не оторвался от меха, словно вознамерился прикончить его одним глотком. Красные струйки текли по бороде, безнадежно пачкая хитон, но героя такие мелочи не беспокоили. Гермес ждал. Он, казалось, нашёл себе не менее важное занятие. Носком сандалии он выворачивал из земли небольшие камешки и сгребал их в аккуратную кучку.

Геракл, оторвавшись, наконец, от вина, долго наблюдал за ним, после чего мрачно произнес:

– Передай божественной госпоже Гере... Да-да, знаю я, кто тебя подослал! Передай Гере, что я ценю её заботу и благодарю за внимание к моей судьбе. Но я уже достаточно лет позорил своего отца, служа ничтожнейшему из смертных как покорный раб. Пусть изберёт иное

орудие мести, а я грех своего рождения уже давно искупил. Да и не мой это грех, ибо я не выбирал родителей.

– Ах, оставь! Она уже не гневается спустя столько лет... И потом, ты прав: родителей не выбирают. Но речь-то не о тебе. Речь о державе. Трон зашатался под Эврисфеем. Трон, а с ним и вся держава. Люди забыли законы, наплевали на долг. Каждый творит что хочет, и управы ни на кого нет. Если уж Гераклу можно, то почему бы и остальным не поступить как он? Надвигается хаос. Будет война брата с братом. Соседи осмелели, вот-вот хлынут через границы. Чудовища сползаются отовсюду. Рухнет без тебя держава!

– Пусть рухнет. Так даже лучше. Я избавил их от страха перед чудовищами. Царь с армией избавил их от страха перед соседями. Они стали жить дольше и сытнее, но как они этим счастьем распорядились? Пьянство, кутежи, безделье. Они заставляют других людей работать на себя, чтобы приобрести ещё больше роскошных безделушек. В их жизни нет больше места подвигу, их предел – кабацкая драка. Я больше уважал людей, когда они боролись за существование. Об их деяниях слагали песни. А эти? Умрут – и даже двух строк о них не сложишь. Не о чем.

– И в твоей жизни тоже не будет места подвигу. Ты спрашивал: “Кто царь без Геракла?”. А я спрошу: “Кто Геракл без царя?”. Ты не можешь успеть повсюду и помочь всем. А царь – может. Он повелевает – и армия исполняет. Если прикажешь ты – никто не сдвинется с места. И были бы с тобой твои подвиги и слава, если бы царь не приказывал тебе? Один ты не найдёшь себе достойного дела. Не теми масштабами мыслишь. Вернись к царю, ведь оба вы друг без друга – никто.

– Ты зря стараешься. Убирайся!

– Всё равно ты не выдержишь и кинешься наводить порядок.

– Может быть. А сейчас – убирайся.

– Ну, как знаешь... – Гермес встал, небрежно мазнул сандалией по песку, сметая камешки, и принялся оправлять одежду.

Геракл криво ухмыльнулся и припал к меху с вином. Запрокинув голову, он выжал из него последние капли и потянулся за новым.

– И последнее. В случае, если ты откажешься от первого предложения, госпожа Гера просила передать вот что...

Бог стремительно развернулся. Коротко свистнул алмазный серп и алые капли брызнули на обоих. Мгновением позже страшный, пронзительный вопль разнёсся по окрестностям, срывая с веток испуганных птиц, роняя ниц смертных и повергая в ужас дриады и прочую титанью мелочь. Крик становился всё выше и пронзительней, пока внезапно не оборвался звуком, какой бывает от увесистой затрешины.

– Хватит орать.

– Что ты наделал? Больно! И рука не слушается.

– Обычный вывих, – буркнул Геракл, вертя в руках две мокрые бесформенные тряпки. – Это лечится. А вот бурдюку уже не помочь. Ты оставил меня без выпивки! Что тебе стоило начать размахивать серпом, когда у меня в руках был пустой?

– Я полагал, что тебе будет всё равно, когда я тебя убью...

– Не выйдет. Я был готов, ибо кое в чем вы весьма предсказуемы. Ты уйдёшь уже, наконец, или мне снова врезать тебе по физиономии?

– Ладно, ухожу, ухожу... – Гермес нагнулся за оброненным серпом и исчез, едва его пальцы сомкнулись на рукояти.

И тут из ближайшего кустарника донёсся треск и восторженный мальчишеский голос зазвенел, удаляясь в сторону деревни:

– Люди! Люди! Геракл совершил новый подвиг! Геракл победил Гермеса в рукопашной. Чуть не оторвал ему руку-у! ... потоки крови ... мы видели своими глазами...

Геракл рассеянно слизнул с тыльной стороны ладони несколько задержавшихся там винных капель, посмотрел в сторону деревни, поморщился и сплюнул. Проклятые мальчишки! Теперь не удастся просто зайти и разжиться новой выпивкой. Там сейчас такое начнётся – расспросы, восторги, почести... Он вздохнул и принялся собирать залитые вином пожитки. Лучше уйти подальше, пока местные не догадались прийти сами.

Горькая правда о мухоморах

– Локи, чего ты там опять так гнусно хихикаешь?

– Глянь на этих психов. Я им сказал, что мухоморная настойка дает нечувствительность к боли, ярость берсерка и силу десятерых.

– Похоже, ты прав. Вон сколько народу накрошили. А кровищи-то!

– Ой, да брось! Обычный эффект плацебо.

**Сказки
про взрослых**

Еще один суд царя Соломона

Был с царём Соломоном ещё один малоизвестный, но с серьёзными последствиями случай.

Явились к нему министры дорожного строительства и культуры, а с ними пара невольников, которые с натугой тащили солидный дубовый сундук.

– Государь, я бы не лез к тебе с глупостями прямо с утра, – начал министр культуры, – но я хочу, чтобы ты вместе со мной посмеялся с этого поца⁴, – и указал на дорожного министра. – Представь себе, он устроил в министерство всех своих родственников и растратил бюджет на банкеты со строительными подрядчиками. Я над каждой монеткой тряся, но культуру в твоём царстве развил – дай Бог каждому. Через три тысячи лет разбуди любого, спроси, была ли у евреев культура при Соломоне – каждый ответит, что была. И после всего этого остался у меня без пары шекелей⁵ сундук золота. А вот этот казнокрад – ты не поверишь – сегодня ночью попятил мой сундук с бюджетом министерства культуры и подсунул вместо него свой, пустой!

– Извольте сию же минуту объясниться – сказал Соломон дорожному министру.

Он всегда выражался несколько высокопарно, ибо знал, что любое его слово записывается для потомков. Хотелось, чтобы вышло красиво.

---

⁴ Поц (идиш/совр. ивр.) – букв. “половой член”, употребляется как пренебрежительное обращение по отношению к лицу мужского пола.

⁵ Шекель (ивр.) – во времена Соломона – примерно 11 г серебра

– Ничего подобного, государь! Если и тратил что, то все с пользой для дела. И ещё должно было остаться, но министр культуры наверняка у меня по ночам бюджетные деньги таскал и в свой сундук перекладывал. Иначе – ума не приложу, куда что подевалось.

– Вот как... – хмыкнул Соломон. – Сейчас разберемся. А ну-ка, прислать сюда пару слуг с двуручной пилой. Сейчас мы сундук с бюджетом пополам распилим и каждый по половине получит.

– Как мудро! – воскликнул дорожный министр. – Я согласен.

– Ни шекеля этому поцу! – крикнул министр культуры и аккуратно упал в обморок поперёк сундука.

– Хех... Опять сработало, – ухмыльнулся в бороду Соломон. – Вы, батенька, оказывается, казнокрад, вор и лжец, – заявил он, адресуясь к дорожному министру. – Думали хотя бы половину бюджета оттягать, раз целиком не вышло. Извольте немедленно на плаху. Палач!

– Помилуй, государь! Как же ты теперь без меня будешь?

– В высшей степени замечательно...

– Ты совершаешь ошибку, уверяю тебя. Ты подрядчиков и в лицо-то не знаешь. Как ты выберешь лучшего? Разве ты им подарки на именины слал? Ты ходил к их внукам на бар-мицвы⁶? Ты помогал рабов по дешёвке достать? Нет, всё я. Теперь я со всеми дружен и знаю их как облупленных. Ты только намекни, что строить – враз подходящего подберу. А без меня наймёшь первого попавшегося. Вот уж где будет растрата!

– Хмм... Логично. Палач, отставить. А ты оставайся при должности. Только родственников своих из министерства сегодня же – взашей.

---

⁶ Бар-мицва (ивр.) – обряд религиозного совершеннолетия у иудеев

– Как можно! Это всё компетентные люди, а то, что родственники...

– Не наглей мне тут, – нахмурился царь. – Иди дороги строй.

– Не могу.

– Это почему же?

– Бюджет уже освоен, строить не на что.

Задумался Соломон, нахмурился. Нужны дороги, да второй раз их финансировать – казны не хватит. Но уже спустя минуту он просветлел ликом и воскликнул:

– Придумал! Подниму-ка я налоги! Ступай с Богом, будет тебе бюджет.

Так или иначе было дело – теперь неизвестно, ибо не все слова Соломона до нас дошли в сохранности, но что было дальше – известно наверняка.

Вышли от царя министры – один весёлый, другой – задумчивый.

Пришёл министр культуры в свой офис, позвал писца и сказал:

– Придётся тебе, голубчик, потрудиться сегодня. До завтра надо разослать двести приглашений на банкет деятелям культуры. Список блюд я тебе продиктую позже. Закажи танцовщиц живота и фокусников. Да не кривись так. Ты с сегодняшнего дня получаешь прибавку к жалованию и отдельный кабинет. И, кстати, бабушка моя в детстве на бубне играла. Запиши её в штат консультантом по народным инструментам. Что значит «бюджета не хватит»? Найдётся бюджет. Отныне и во веки веков – найдётся.

Сказка про Чёрного Менеджера

Давным-давно, много кризисов назад, в одной большой конторе работал молодой человек. Был он красивый, умный и старательный, поэтому ему каждый год повышали должность или зарплату.

Счастливо проходили дни, карьера делалась.

Но однажды приснился ему сон. Стоит он перед дверью Большого Босса и пытается её открыть, а она – ни с места. Дёргал он ее, дёргал, аж вспотел – ни в какую. Когда силы иссякли, он сел и заплакал, потому что пропустил важную деловую встречу. И тут под сводами приёмной раздался громовой голос: «Босс не хочет тебя видеть. Твой отдел работает неэффективно!»

Он проснулся в холодном поту.

– Как я мог так неэффективно руководить? Прибыли компании наверняка упали из-за меня! Надо что-то делать.

И пошел он к Марии – бизнес-тренеру в пятом поколении и ясновидящей. Она умела гадать по гуще от растворимого кофе и по пасьянсу, открывала тайны по кэшу браузера и наводила порчу через социальные сети. И ещё она умела делать прогнозы тенденций развития финансового рынка по рисунку крошек, выпавших из перевёрнутой клавиатуры. Недавно она прочла много книг по менеджменту, и её стали приглашать в разные конторы делать тренинги.

Излил ей менеджер свое горе, а она как раз закончила пересчитывать гонорар и сказала:

– Знаю я, как помочь твоему несчастью. Вот тебе моя брошюра, читай каждый день перед сном, а в офисе скажи вот что...

– ... Я знаю как повысить эффективность нашего отдела! – радостно сообщил менеджер собравшимся сотрудникам. – Я придумал весёлую мотивационную игру. Мы все станем как бы участниками реалити-шоу. Ну, помните, то самое, с выбыванием. В конце каждого месяца будем выявлять самого неэффективного и увольнять! Отличный способ совместить приятное с эффективным!

Дела и впрямь пошли на лад. Сотрудники стали более исполнительными. И расходы снижались по мере увольнения самых неэффективных...

Но потом... Что-то пошло не так. Люди начали увольняться сами, производительность стала падать, несделанной работы накапливалось все больше. Бросился менеджер за советом к Марии, но у нее было такое плотное расписание, что она никак не могла его принять.

Он пытался удвоить усилия. Читал брошюру дважды в день. Засиживался в офисе сутками, сотрудников мотивировал работать сверхурочно, увольнять стал по двое... Ничего не помогало.

И остался менеджер в отделе один. В ту страшную ночь с тридцать первого на первое он, как обычно, засиделся в своём кабинете допоздна, чтобы составить список сотрудников, подвести результаты работы и написать приказ об увольнении самого неэффективного.

Незадолго до полуночи дежурный делал плановый обход офиса и услышал безумный хохот из кабинета менеджера. Он бросился туда и увидел его стоящим над столом с печатью, занесённой над документом. Часы в холле как раз начали быть полночь. Удар печати по документу совпал с последним ударом часов.

И менеджер мгновенно исчез.

Утром охранника нашли лежащим без чувств на пороге кабинета менеджера. Самого его ни в комнате, ни в здании не было. На столе поверх всех бумаг лежали два документа:

1. «Список сотрудников» из одного человека с пометкой «умный, старательный, преданный своему делу работник, эффективный менеджер с прогрессивным мышлением»

2. Письмо об увольнении менеджера за самые низкие показатели во всем отделе с его печатью и подписью.

Кстати, сама печать пропала. Ни через день, ни через неделю менеджер на работе не появился. Поиски и заявление в полицию ни к чему не привели. Охранника на всякий случай сократили.

С тех пор сначала в этой конторе, а потом и во всех офисных зданиях района поползли слухи о явлении призрака в чёрном деловом костюме и с печатью, как две капли воды похожего на пропавшего менеджера, только с чёрным лицом и чёрными руками. Тем, кто его видел, это сулило неизбежные несчастья и лишения бонусов. А некоторых он преследовал и ставил на лоб печать, что означало увольнение в ближайшие дни.

Вскоре его уже стали встречать по всему городу, а там и по всей стране он стал собирать свою зловещую жатву.

Но и этим он не ограничился. Говорят, однажды он среди бела дня пришёл к директору большого банка. Вот после этого и начался КРИЗИС!

Сказка о технике секса

Жила-была одна девушка, красивая, независимая, современная. Замужем была три раза – по беременности, по любви и ещё в позапрошлом году полтора месяца – по большой внезапной страсти. Следила за модой, весом и колонками новостей культуры.

Работала по специальности: под интригующим псевдонимом писала для журналов и сайтов статьи о технике крутого секса и сочиняла классификации мужчин. Материал брали охотно, без придилок, ибо, вне всяких сомнений, у человека есть жизненный опыт и случались оргазмы. Уточняющих вопросов не задавали, чтобы случайно не показаться некомпетентными.

Но однажды в её доме, кроме дочки и пикинеса по имени Клеопатра, появился ещё и мужчина. И всем был хорош, мечта прямо. Таких не то что два года – полжизни ждать не обидно. Всё стало налаживаться и быстро дошло до постели.

Тут-то и выяснилось, что мужчинка с придурью. Всю ночь занимался чем угодно, кроме, собственно, полового акта. То петь начнёт, то тереться об косяк промежностью, призывно на неё поглядывая, то подражать крикам животных. Порвал на ней её лучшее бельё, остатки бюстгалтера на голову напялил, член мёдом намазал...

Она всё это время так и просидела в углу обмирая и боясь позвать на помощь, чтобы не нервировать маньяка. Наконец, далеко за полночь он внезапно остановился и заорал:

– Да что ж ты за бревно-то такое, Даша!

– Я – бревно? Да откуда ты знаешь? У нас и секса-то не было...

– И не будет. Научись сначала. Вот, просвещайся...

Порывшись в своих вещах, он извлёк на свет и бросил ей кокетливо блеснувший журнал с полуодетым телом на обложке, а сам стал одеваться и уходить.

Она уже поняла в чём дело, и опуская глаза, больше всего опасалась увидеть журнал со своей статьёй под интригующим псевдонимом. Но журнал оказался мужским. С закладкой на статье о технике крутого секса.

С тех пор она пишет только в кулинарные разделы и имеет репутацию радикально гостеприимной хозяйки, ибо гостей на всякий случай к плите не подпускает. Даже бутерброды им сама делает.

Сказка о перевоплощениях или новая жизнь старого театрального анекдота

Жила-была одна дама в расцвете лет, одинокая, не бедная, да романтичная.

Не сказать, чтобы она одиночеством своим тяготилась. Скорее, наоборот. По мере надобности заказывала себе мальчиков из эскорт-услуг. И всё было хорошо. А вот романтики не хватало.

И вот однажды она опять позвонила в эти самые эскорт-услуги и говорит:

– Надоели мне ваши жиголо. Неужто ничего посерьёзнее нет? Подайте мне рыцаря в сияющих стальных доспехах!

– Рыцаря... – растерялись в трубке.

– Да-да, рыцаря. Вы уж расстарайтесь – озолочу.

– Сейчас устроим, – ответили ей, хотя и не знали, как выполнить столь мудрёную просьбу. Отказывать клиенту строго запрещал внутренний распорядок. Но если рыцаря ещё туда-сюда, то доспехи...

И быть бы тут изрядной конфузии, либо хищению музейных экспонатов, либо ещё какому-нибудь отчаянному поступку, но спас положение один сотрудник, который воскликнул:

– Вспомнил! Рыцари... Есть тут один парк...

Через пять минут служебная машина остановилась возле упомянутого парка на окраине города. И впрямь, рыцари там были. В сияющих доспехах и при оружии, которым друг друга добросовестно лупцевали.

– Эй, парень! Да-да, ты, в панцире. Хочешь заработать?

– Ну... да

– Слушай. Тут такое дело...

Ко всеобщему облегчению, рыцарь согласился сразу. Выдали ему аванс и глоток коньяку для бодрости, да и отвезли прямо к даме в чём был, ибо время – деньги.

Все прошло чин-чинарём. Дама в восторге, рыцарь доволен, фирма срубила кучу денег, смекалистому сотруднику премию выдали.

Но на следующий день дама с очередными запросами звонит: вынь да положь ей д'Артаньяна при шпаге. Долго думать не стали. Зовут того рыцаря и спрашивают, нет ли у него подходящего знакомого:

– Да я сам д'Артаньян, – говорит он. – Только до дому подбросьте за шляпой и шпагой.

Опять выручил. Снова все довольны остались.

Тут у дамы воображение всерьез разыгралось. Каждый день себе кого-нибудь нового требует. У дома рыцаря стояла теперь дежурная машина и чуть что – сразу хватать его и в дело. Уж кем он только не был – Робин Гудом, Зевсом, Уильямом Уоллесом, Чакой, Монтесумой, Джеймсом Тийчем, Дракулой... доходило даже до Леголаса. Гардероб у парня казался неисчерпаемым и всех он изображал как надо.

Но тут дама в очередной раз позвонила и говорит:

– Всё! Все мне надоели. Давайте мне этого парня как есть, без всяких костюмов. Хочу именно его.

Позвонили, передали просьбу. А тот вдруг вскрикнул так жалобно: «Неет!», трубку бросил и на звонки больше не отвечал.

Послали к нему человека. Тот дверь не открывает. Уж и дама лично к нему приехала – уговаривать. Открыл. Сам бледный, несчастный, по глазам видно: плакал.

– Что случилось-то?

– Не могу я сам!

Тут он опять зарыдал, убежал в комнату, под одеяло с головой нырнул. Но не отстают от него: что да почему. Ему уж и денег обещали и не денег совсем. Даже по морде дать. Только когда нашли его доспех и пообещали немедленно сдать в металлолом, он из-под одеяла выскочил, на колени и плюхнулся и воскликнул:

– Да отстаньте от меня, ради Бога! Не могу я сам за себя. Я неудачник, ролевик, социопат, онанист и девственник. А женщин я боюсь и в постели ничего не умею. И писюн у меня короткий.

– А как же ты до сих пор справлялся?

– Это был отыгрыш. ОТЫГРЫШ! В жизни я так не умею...

И как его ни убеждали, насколько он на самом деле крут – стоял на своем. Наконец плюнули, разошлись, недовольные друг другом. У фирмы доходы, понятное дело, упали. Даме, которая уже имела на нашего героя тайные матримониальные виды, пришлось перейти обратно на жиголо. А тот парень на заработанные деньги поднял пять фестивалей и до сих пор не верит в себя.

Про тот свет

Первый сон про тот свет

Мне приснилось, что я умер.

Меня ослепили белым и пристали с расспросами:

– Как жизнь?

– Как видишь. Похоже, кончилась. Было хорошо, но мало.

– Трудно было?

– Иногда. Чаще всего по собственной глупости.

– Что ты с этим делал?

– Я старался каждый день стать хоть немного лучше, чем был. Тогда и мир вокруг становился лучше.

– Только для тебя или для других тоже?

– Бывало, и другим перепадало.

– Часто?

– Тем, кого любил – часто. Остальным – по настроению.

– И что, вот так каждый день?

– Нет, конечно. Бывали срывы. Но ненадолго, и я никогда не падал ниже, чем был.

– А потом?

– Поднимался и всё сначала... Слушай, а можно обратно?

– Нет. Такие, как ты, портят мне ад. Поэтому ты останешься здесь.

– “Здесь” – это где? – спросил я.

И проснулся.

Ночь потерянного дня

- Ох! Извини, что разбудила.
- Кто... О, Господи! Смерть!
- Если угодно...
- Ты... За мной?
- Отчасти.
- Не понимаю.
- Что тут понимать? Вы умираете по частям. В ком-то поэт, в ком-то раб, в ком-то совесть. Да ты спи, спи. Я пошла уже.
- Э-э... Ладно. За чем приходила-то?
- За твоим вчерашним днём. Ты же убил его, помнишь?

Рычаг Всеобщей Справедливости

- ...Ой, а это у вас тут что?
- Рычаг Всеобщей Справедливости. Если за него дёрнуть, всем живущим немедленно воздастся по справедливости.
- И давно он тут у вас?
- С начала времен.
- И что, за это время никто ни разу...?
- Боже упаси!
- А можно попробовать? Один разик? В мире-то вон оно что творится...
- Не смей! Эй, держите за руки этого шлимазла!
- Все, все не буду! Отпустите. Пожалуйста! Уф... А в чём подвох-то?
- В том, что каждый понимает справедливость по своему. Законы Хаммурапи читал? Ацтекским правом интересовался? Законами шариата? Принцип «око за око» помнишь? Чукотскую космологию? Прецедентное право в действии видел?
- Ой...
- Вот тебе и ой. Если всё это разом с людьми случится... Короче, подожди Армагеддона. Тогда и дёрнешь.

---

⁷ Шлимазл (ивр./идиш) – несчастный, недотёпа

Конфискат

– Пожалуйста, не облакачивайтесь на это.

– А это что за рычаг?

– Вон, посмотрите туда. Он управляет заслонкой этого резервуара.

– «Конфискат». Интересное название. Что конфискуете?

– Вам приходилось слышать что-нибудь вроде: «Когда боги хотят наказать, они отнимают разум»? Слышали? Так вот, это оно самое и есть. Хранилище полно под завязку и, разумеется, пошло брожение. Мы уже просто боимся открывать. Одно время думали, что некуда будет складировать, но потом всё решилось.

– Э-э, как решилось? Что-то мне не нравятся ваши интонации.

– Понимаете... Люди стали справляться сами. Все-кие там религии, идеологии, харизматичные лидеры...

Курьер

- Передашь это послание лично Сатане.
- Господи, но как же я, ангел безгрешный, попаду в ад? Чтобы провалиться в преисподнюю – это ж надо такого натворить...
- Так ступай на землю и нагреси.
- В человеческом облике?
- Именно! Только учти: послание очень срочное, по мелочам грешить некогда. Никаких оргий. Сразу создавай новую мировую религию или развязывай священную войну.

То, что осталось от награды

– Простите, уважаемый! Когда мне уже выдадут девственниц? Я с утра жду!

– Сейчас проверим, – ангел извлек откуда-то свиток, вчитался, нахмурился и провозгласил: – Никогда!

– Но ведь это рай?

– Рай

– Мне же обещали...

– Да, но взгляните сюда, – ангел обратил свиток надписью к собеседнику и обозначил свободной рукой изящный жест, приглашая ознакомиться. – Ведь это всё вы натворили!

– Но... Это же во имя веры!

– Вас ввели в заблуждение предвзятым толкованием, а здравым смыслом вы решили не пользоваться. Опять же, несколько случаев грабежа, рукоприкладство и поножовщина среди единоверцев... И ещё вот это! Как вам не стыдно!

– Боже милосердный...

– Воистину! Он всё прощает. Но каждый раз списывает со счета одну девственницу. Вам ещё повезло, что вы успели дойти ровно до нуля.

– А... если дальше?

– Дальше уже ад и поругание свиньями. По одной за каждый...

– Но это нигде не записано!

– Записано, но вы похоронили первоисточники под грудой толкований. Ну, ну, голубчик, не плачьте! Лучше ступайте за мной. Я провожу вас до местного клуба холостяков.

Опоздавший

– Явился...

– Ты звал меня

– В последний раз это было лет десять назад. Теперь уже как-то бессмысленно.

– Я тебе что, служба поддержки? С чего ты взял, что я должен являться по первому зову?

– Тогда мне действительно нужна была помощь. Однако, я уже сам разобрался.

– Вот видишь! Значит, не нужна была. Если бы я приходил разбираться со всякой ерундой...

– У нас разное понятие о ерунде! Моя жизнь тогда потеряла всякий смысл. Я выжил чудом.

– Называй это чудом, если тебе угодно, но я здесь ни при чем.

– Знаю. Я тогда решил, что раз ты позволил такому случиться, то тебя просто нет.

– Вам вечно нужны доказательства. И веруете вы лишь тогда, когда вам это выгодно...

– Сам виноват. Так зачем ты пришел?

– Поздороваться.

– Нет, серьёзно.

– Напомнить о себе.

– Напомнил?

– Да

– Теперь уходи. Я уже привык обходиться без тебя.

Уведомление

“Сим подтверждаю... будет жив и здоров, включая здоровье душевное...”

– А почему всего три месяца?

– Голубчик! – всплеснул руками мой собеседник. – Господь не торгуется. Берите что дают и радуйтесь оказанной чести. Беда с этими атеистами! Ничего святого.

– Вам показалось. Не то, чтобы я не верил в Бога. Я просто не верю в то, что про него рассказывают.

– Понимаю. Но мне-то хотя бы верите?

– Вполне. Вы, Габриель, были убедительны.

– Прекрасно! Теперь, пожалуйста, читайте то, что написано большими буквами.

– “Не считая рецидивов свободной воли”. Как это понимать?

– Без баловства. Если вы решите испытать судьбу и, скажем, нырнуть в вулкан только затем, чтобы проверить, как мы станем выкручиваться – знайте, что мы не станем выкручиваться никак.

– А в остальное время? Вы будете меня опекать?

– В этом нет нужды. Мы просто знаем, что в течение трех месяцев вы точно будете живы-здоровы.

– А потом я умру?

– Потом станет как прежде: вы не будете знать о своей судьбе ничего и когда-нибудь умрете. Сей документ на дату смерти никак не влияет.

– Контракт можно продлить?

– Ох, – выражение лица Габриеля стало страдальческим, – перестаньте уже называть это контрактом. Это У-ве-дом-ле-ние. Вы хотите потом получить ещё одно?

Случается, выдаем, но крайне редко. У нас должны быть веские причины для этого. Вам всё понятно? Я могу идти?

– Погодите! Я так и не понял, что...

– ...мы хотим взамен? – понимающе кивнул он. – Об этом спрашивают все, и это труднее всего объяснить, поэтому слушайте внимательно. Готовы? Мы хотим, – медленно проговорил он, – чтобы вы знали, что наверняка проживёте три месяца. И всё.

– С ума сойти можно...

– Тот, кто сойдёт с ума или готов пуститься во все тяжкие, не получает никаких уведомлений. Мы приходим только к тем, кому это пойдёт во благо.

– Но зачем вам это?

– Все очень просто. Да вы бы и сами вскоре догадались. Я прихожу к человеку, который думает, что у него вся жизнь впереди, а ухожу от человека, который не может отделаться от мысли, что ему осталось всего три месяца.

О, как эта мысль способна перевернуть жизнь человека! День-другой – и у него иные ценности, иные амбиции, иные отношения со временем и окружающими. Не живёт – горит! “Всего три месяца до смерти” – это, конечно, самообман, но люди склонны искренне в него верить.

Господь тоже умеет играть на человеческих слабостях, а без пинка под зад даже лучшие из вас не берутся за голову.

Мессия и праведники

– ...Давайте я теперь попробую во всём этом разобраться, – сказал он, дослушав. – Вот вы, вы и вы утверждаете, что я должен забрать с собой тех, кто не бреет бороду. Вы и вы считаете, хмм... Сколько всего...

Предположим, я заберу вас. Вы продолжите всем этим заниматься?

– ДА! Конечно! Можешь на нас рассчитывать! – грянули они хором.

– Тогда я забираю вас. Всех. Праведники в раю обхохочутся.

Повисла неловкая пауза.

– Праведники? – наконец, решился спросить кто-то.
– А мы тогда кто?

– Вы? – Мессия задумался. – Как бы это сказать... Вы всю жизнь тратите на то, чтобы соблюдать всевозможные ритуалы с одной лишь целью – выглядеть праведниками в глазах людей. У каждого из вас есть список текстов, которые вы повторяете в заранее прописанных ситуациях. Вы поколениями щедро вскармливали паразитов, которые постоянно сочиняют для вас новые ритуалы и тексты. Вы все одеты по разному, но все нелепо и каждый утверждает, что правильно одет только он. Вы все ограничиваете себя в какой-то еде, но у каждого свой список.

Тут он стал показывать пальцем на отдельных слушателей, припоминая то, что они ему только что о себе рассказали:

– Вы бьёте себя плеткой, а вы много путешествуете, чтобы целовать изображения тех, кто, по слухам, хорошо

соблюдал все предписания. Вы и вы считаете, что надо убивать всех, кто не согласен с вами, до тех пор, пока остальные не начнут делать вид, что они согласны, а вы – готовы терпеть когда всё это делают с вами. Вы клянчите деньги от имени бога, а вы эти деньги им даёте.

И все вместе вы уверены, что Мессия заберёт вас за это в рай.

Вы просто клоуны.

И я забираю вас. Люблю, когда в раю есть над чем посмеяться.

– Ура, сработало! – воскликнул кто-то.

Тут Мессия всё-таки не удержался и хихикнул.

Сказки про бабаек

Кто такие бабайки

Про бабаек любой ребёнок знает. Бабайки – они такие... Такие! Плохие в общем. Вроде бы их никто никогда и не видел, но каждый знает, что где-то они точно есть.

Некоторые даже пытались их искать, но до сих пор только одному человеку удалось их найти и даже поймать. Я вам про него потом расскажу.

Остальные неправильно искали. Они выслеживали, разнюхивали, высматривали. Конечно же, не нашли они никаких бабаек и после этого им стало стыдно, что не нашли, а дальше искать уже лень было. Вот они и стали остальным доказывать, что бабаек не существует.

А на самом деле бабайки существуют. Просто они очень хорошо прячутся, ведь они хитрые, коварные и постоянно пакостят. С таким характером уж точно лучше никому на глаза не попадаться. Вот они и не попадаются.

Но если вам непременно хочется иметь дело с этими пакостными существами, я вам расскажу один секрет. Всё очень просто: не ищите их специально. Не ждите. Просто забудьте про них совсем. И вот тогда-то они вас и навелят. Бабайки приходят сами, когда их меньше всего ждут, когда их не звали и вообще не хотят видеть. Или к тем, кто в них вообще не верит.

Вы спросите, зачем они приходят? А вот зачем. Им непременно надо делать кому-нибудь пакости, иначе случится с ними Большая Бабайковая Беда. Что это за беда – я тоже потом расскажу.

Как узнать, что к вам бабайки пришли? Вот, скажем, вы идёте по улице, никого не трогаете. И вдруг вам на

голову яйцо тухлое – шмяк! Это они, будьте уверены!
Шуточка как раз в их стиле.

Или кто-то ночью всё мороженое в холодильнике съел.

Или крем с торта слизал.

Или в подъезде на стене дурное слово написал с ошибками.

Или когда в автобусе едете, и вдруг – вонища откуда-то, как будто кто-то из пассажиров год не мылся и одежду не менял. С чего бы пассажирам в автобусе так пахнуть? Они люди приличные. А вот бабайки – эти да, не моются, не стригутся и одежду носят пока она с них вместе с грязью не отвалится.

Они везде, говорю я вам. Просто припомните.

Кто носки разбрасывает так, что один потом никак не найти?

Кто порядочных людей в магазине толкает так, что они без очереди в кассу попадают?

Кто соседям музыку на полную мощность включает, когда у них вечеринка с караоке? Не сами же они специально делают так, чтобы их все вокруг возненавидели!

Я могу ещё целый день перечислять, но вы, конечно, сами уже поняли, что бабайки существуют. И хватит об этом. Давайте я лучше про них что-нибудь расскажу.

Вонючая Пещера

Селятся бабайки в труднодоступных местах. Например, в одном дремучем лесу есть Вонючая пещера. Почему она так называется – догадаться нетрудно. Бабайки мало того, что не моются, так ещё и логово свое не убирают никогда. Пол там весь завален объедками, обломками и прочим мусором.

Иногда, примерно раз в год, когда мусор совсем уже мешает им ходить, они выбрасывают его за дверь. Поэтому воняет не только в пещере, но и вокруг нее.

Все звери в лесу знают этот запах и держатся от этого места подальше. А то ведь и камнем могут кинуть, и за хвост дёрнуть, даром что ты хищный волк или здоровенный медведь. И ловушек вокруг понастроили.

Живёт в пещере бабаек десять, а то и двадцать. Чтобы точно подсчитать – это подойти надо. Но никто, конечно, не подходил, не хотел связываться, а сами они считать не умеют.

Вот про жителей этой пещеры я вам и расскажу.

Почему бабайки живут вместе

Бабайки, хоть и живут вместе, но не дружат ни с кем. Они терпеть друг друга не могут и постоянно ссорятся и дерутся. Единственная причина, по которой они живут в одной пещере – поодиночке им скучно, а чтобы изводить людей – это же надо в город ближайший идти или в деревню. Им просто лень. Да и зачем, если вот тут, рядом, есть над кем поиздеваться.

То, что над ними тоже издеваются, их, конечно, злит, поэтому они остаются, чтобы отомстить. Так и живут.

Как бабайки делятся

Конечно же, они ни с кем ничем не делятся. Всё ценное прячут, а всё вкусное быстро тайком от остальных съедают. А то у них по-бабайковски вежливо попросят.

По-бабайковски вежливо просят так. Надо неожиданно выхватить вещь из рук и убежать. Это не так просто, как вам кажется. Ведь остальные тоже начнут так же просить. Каждый раз начинаются догонялки, переходящие в общую свалку. Обычно вещь столько раз силой вырывают из рук, что она ломается, крошится и вообще всячески портится до полной непригодности. Но бабайки обычно и тому рады. Главное – чтоб никому не досталось.

Впрочем, несколько раз получалось так, что они были совсем не рады. Однажды они делились горчицей и очень потом жалели, что ее хватило на всех и даже ещё осталось.

Ещё был случай, когда кактусы делили. Потом неделю все грустные ходили и сначала присматривались, прежде чем что-то по-бабайковски вежливо попросить.

Но больше всего им запомнился случай, когда один бабайка специально притащил ведро с клеем, но сказал всем, что это мёд. Бабайки делили клей до тех пор, пока все не слиплись в одну здоровенную кучу.

Тот, который всё придумал, в дележе, конечно, не участвовал. Он дождался пока все слипнутся, и отправился спать. Он мог быть уверен, что эту ночь поспит спокойно, и никто ему никакую гадость не учинит. Так бы и случилось, но проходя мимо, он не удержался и всё-таки пнул получившуюся кучу бабаек и прилип ногой. Они потом два дня друг от друга отклеивались, а потом ещё целый день гонялись по лесу за тем пакостником.

Охота в камышах

Украли как-то бабайки тележку. Покататься решили. Украсть-то было несложно, но как на ней кататься, если запрячь в неё некого? До пещеры ещё кое-как дотащили, но оттуда на прогулку уже не выедешь. Лошадей у них отродясь не было, да и другой живности тоже. Даже пауки и тараканы от них сбежали.

Пробовали было запрягать других бабаек. Знатная вышла драка, часа на два. В результате несколько бабаек послабее запрячь удалось, но в драке они так утомились, что даже с места тележку не сдвинули.

Тут-то один из них и вспомнил:

– Я слышал, кроме лошадей ещё собак в телегу запрягают. Давайте собак наловим!

– Сам придумал – сам и лови. Мы собак боимся. Нам мама всегда говорила: “А вот сейчас собачка укусит!”

– Тогда давайте котов наловим.

Эта идея всем понравилась.

Ближайшие кошки жили у реки, в зарослях камыша. Их так и называли: камышовые коты. Тот, кто хоть раз имел дело с камышовыми котами, прекрасно знает, что этот вид диких кошек характер имеет вспыльчивый, а когти – острые. И совсем не любит дурного обращения.

Однако, бабаек это не смутило нисколечко. Они решили устроить засаду. Рано утром, ещё до того, как взошло солнце, они прокрались в камыши, в самые заросли, и стали ждать.

Подкрадываться бабайки умеют хорошо, но долго и терпеливо сидеть и ждать – на это у них терпения не

хватает. От скуки они начинают друг друга задирать. Так получилось и на этот раз. Не прошло и двух минут, как кто-то прошипел:

- Не толкайся!
- А ты не щиплись!
- Ты первый начал!

Тут кто-то стал их уговаривать сидеть потише. То есть этот кто-то заорал:

- А ну-ка, сидите тихо!
- Не указывай нам тут, – немедленно ответили ему.

Они так ещё долго ругались. Неудивительно, что камышовые коты их услышали и очень рассердились: кто-то топчет их камыши! Кто-то шумит, и нарушает их покой! Кто-то распугал им всю рыбу и всех уток!

Обычно камышовые коты не живут стаями, но на такой шум они начали собираться со всей округи. Тихо как тени они окружали место, где укрылись бабайки. И уж их-то точно не было ни видно, ни слышно.

Тем временем бабайки продолжали спорить и ссориться. Вот уже кто-то дёрнул кого-то за волосы, кто-то получил по уху, кого-то опрокинули в воду и стали топтать ногами. Ещё две минуты – и вместо засады получилась замечательная куча-мала. Тут-то камышовые коты и напали.

Казалось, большего крика, визга и ругани просто быть не может, но когда из зарослей выпрыгнули разъярённые коты с их острыми когтями и зубами, началось такое, что все животные вокруг от страха попрятались. Даже червяки закопались в землю на метр глубже.

Бабайкам стало так худо, что они и сами бы закопались поглубже, если бы умели. Но они не умели, поэтому просто бросились наутек. В тот день коты порвали в

клочья и самих бабаек, и их одежду. Кое-кто добежал до пещеры вообще без штанов.

Всю ночь и весь следующий день бабайки отлёживались, строили планы, как отомстить камышовым котам, и кое-что придумали. Но про это я потом расскажу. Ведь история про кошачью упряжку ещё не закончилась.

Кошачья упряжка

Когда бабайки смогли ходить после драки с камышовыми котами, они снова задумались о том, кого бы запрячь в украденную тележку.

На этот раз решили наловить котов в ближайшей деревне. Они там поспокойнее.

Одной темной-претемной ночью, когда люди уже спали, а кошки уже вышли на мышиную охоту, бабайки окружили деревню. Один из них подал условный сигнал. Он громко крикнул: “Лови котов!”. После этого бабайки одновременно набросились, схватили каждый по коту, а кто и по два, и бросились обратно в лес, к Вонючей Пещере.

Кататься решили утром, а до того времени заперли добычу в пещере. Правда, они не учли, что спать в одном помещении со стаей недовольных кошек – неудобно. Пришлось им ночевать снаружи, на травке.

Утром они встали пораньше и начали по одному вытаскивать котов из пещеры и запрягать в тележку. Кого-то опять укусили, кого-то опять поцарапали, но всего через два часа упряжка была готова. Сели в неё бабайки и стали ехать.

То есть, им казалось, что они сейчас поедут, но на самом деле тележка не сдвинулась с места, а коты даже не собирались её тянуть. Они собирались при первой же возможности добраться до бабаек и хорошенько их изодрать. Некоторые пытались добраться до них прямо сейчас.

Тут один бабайка придумал:

– Давайте лаять как собаки. Они испугаются и побегут!

Все тут же начали – кто как умел – лаять, гавкать и выть. И коты, конечно же, напугались и побежали.

Бабайки не учли одной особенности: напуганные собакой коты стремятся побыстрее залезть на дерево. Так случилось и на этот раз.

Тележка стремительно рванулась с места в сторону ближайшего дерева. Потом на дерево. Выше, ещё выше. Потом бабайки не удержались и посыпались вниз, кто на землю, кто на других бабаек.

Кое-как встав на ноги, они посмотрели наверх. Кто-то стал прикидывать, как добыть котов с дерева, кто-то начал на них ругаться. А кто-то вообще ничего не успел сделать. Последнее, что они увидели в этот день, была летящая им на головы тележка.

Доброе утро!

Обычно бабайки разговаривают грубо. Гадости говорят. Орут друг на друга. Вежливого слова от них не услышишь. Даже больше того, если они слышат, как кто-то вежливо разговаривает – им дурно становится.

Из-за этого с одним из них неприятность случилась.

Началось все с того, что он пошутить решил. Однажды с утра, точнее, к обеду, когда бабайки только-только начинают просыпаться, но ещё не вылезли из кровати, он решил им сделать что-нибудь этакое, чтоб все просто попадали. Вот убедился он, что все проснулись – и как крикнет:

– Доброе утро всем!

Тут бабаек вокруг просто скрючило, и они действительно попадали, а шутник над ними начал смеяться. Однако, радость его была недолгой. Все тут же вскочили на ноги и бросились к нему. Поняв, что его сейчас будут бить, и очень сильно, бабайка с перепугу крикнул ещё раз:

– Доброе утро! – и кинулся к выходу из пещеры.

Опять все попадали и ещё больше разозлились. Стали его остальные бабайки догонять, уже почти окружили, но тут он опять всем доброго утра пожелал. Так они весь день по лесу носились, и только и слышно было то тут, то там:

– Здравствуйте! Будьте здоровы! Приятного аппетита! Спокойной ночи! Пожалуйста, упадите все! – и прочее подобное.

Только ближе к вечеру, окончательно выбившись из сил, все вернулись в пещеру. А тот шутник побоялся вернуться и остался бродить по лесу. То, что ему негде

было ночевать – ещё полбеды. С ним творилось что-то, с точки зрения бабайки, ужасное. Ему хотелось умыться и переодеться во всё чистое. Ему хотелось встретить в лесу кого-нибудь, с кем можно было бы подружиться и поиграть. И ещё много всякого, чего ни одному бабайке в голову не пришло бы. Вот такая она, Большая Бабайковая Беда.

Постепенно он выбрал к людям, к ближайшей деревне. Хотели они его в лес прогнать, ведь сразу видно было, что это бабайка, но он сказал им:

– Спасите меня, пожалуйста! Я заблудился. И вообще, никакой я теперь не бабайка. Я весь день вежливые слова говорил. Никто меня теперь обратно в пещеру не пустит, – и жалобно так заплакал.

Пожалели его люди, приютили. Когда его отмыли, причесали, переодели и накормили, оказалось, что из подлого лесного пакостника превратился он в обычного мальчика. Долго люди этому чуду удивлялись. И хотя вы, наверное, уже кое о чём догадались, жители деревни пребывали в неведении, пока один ученый... Впрочем, про это будет отдельная история.

Мальчик так и остался с ними жить и даже человеческое имя себе придумал: Борька. А бабайки больше никогда так не шутили.

Двузмея

Однажды бабайка бродил по лесу и по привычке искал, чего бы такого напакостить. Тут-то ему и повстречалась Двухголовая Змея, или, как её все звали для краткости, Двузмея.

Двухголовые змеи в природе встречаются очень редко, но эта была совсем уж особенная. У неё было не две головы и один хвост, как обычно в таких случаях, а по одной голове с каждого конца. И ни одного хвоста.

Такое устройство создавало ей множество проблем. Головы постоянно спорили, кто будет ползти вперед, кто будет есть, кто охотиться, и по множеству других бытовых вопросов, которые существо с одной головой способно решить за секунду.

Правда, были и преимущества. К ней никто не мог подкрасться незаметно, поскольку она всегда смотрела в двух направлениях, а головы могли спать по очереди. Двумя головами она могла поймать в два раза больше добычи и петь хором. Но самое важное – с ней никто никогда не спорил. Все знали, что невозможно переспорить существо, которому несколько раз в день удается переспорить само себя.

Двузмея – довольно загадочный зверь. Никто не знает, откуда она взялась, почему умеет разговаривать, сколько ей лет и как её на самом деле зовут. Она вообще терпеть не может отвечать на вопросы. Один маленький мальчик однажды поинтересовался, как при таком строении Двузмея писает и какает. Она на это страшно обиделась и укусила его.

К счастью для мальчика, Двузмея не совсем ядовитая, однако, мало кто захочет, чтобы она его укусила. Дело в том, что одна голова кусается с ядом, после которого целый день говорят только правду, а другая – с ядом, после которого целый день врут. А уж за день можно наврать или выболтать столько, что потом год разгребать будешь.

Многие считают, что одна голова у Двузмеи главнее другой, но какая именно – никто не может определить, ибо на вид они совершенно одинаковые. Каждая голова, конечно, говорит, что она главнее. Как бы то ни было, они различаются по характеру.

Бабайка застал Двузмею за обычным занятием: она как раз собиралась перекусить, и головы наперебой спорили, кто что будет есть.

– Лягушку!

– Нет, полезли на дерево, наворуем яиц из гнезда.

– Нет, лягушку!

– Нет, яйца!

– Терпеть их не могу!

– Да и не надо. Я сама съем.

– Сегодня моя очередь есть, значит, я решаю!

– А давай тогда...

Тут Двузмея услышала подкрадывавшегося бабайку, и быстро спряталась в траве возле дерева.

– Это было здесь, – пробормотал бабайка, осматривая место, откуда только что слышал голоса.

– Что было? – поинтересовалась Двузмея, высунув одну голову из травы.

– Тут только что разговаривали... Ух ты! Говорящая змея! Сейчас поймаю.

– Зачем? – только и успела удивиться она.

Бабайка ловко кинулся к Двузмее и схватил её за шею. Змей он не боялся и хорошо умел их ловить голыми

руками. Он точно знал, что если сразу поймать её за шею поближе к голове, то укусить не успеет. Зачем она была ему нужна? Да просто так!

Он ещё даже не придумал, что делать с добычей – забросить повыше на дерево или дойти до речки и подбросить камышовым котам, чтобы они испугались. Каково же было его удивление, когда, вытянув змею из травы, он вместо извивающегося хвоста обнаружил ещё одну голову, которая очень неодобрительно на него смотрела.

– Укушшу, мерзаветсс, – прошипела она, и ловко изогнувшись, цапнула его пониже спины.

Бабайка жутко испугался, выронил Двузмею и побежал прятаться в пещере. Там его ждала куча неприятностей, ибо его укусила та голова, после которой целый день говорят правду. Вот он там всю правду и рассказал: где конфеты спрятал, у кого что украл, кому какую пакость подстроил. Ох, и досталось ему за всё это!

А Двузмея после этого быстро с собой договорилась.

– Спасибо, что спасла меня, – сказала та голова, которую поймали.

– Ой, да не за что, – заскромничала другая. – Я же нас обоих спасала.

– Конечно! Но какой был укус – загляденье просто, – сказала первая голова. – Пойдём, я наловлю тебе лягушек на завтрак. Я могу гордиться своим хвостом!

– Я – хвост? Это ты сама мой хвост!

– Нет, ты!

– Нет, ты!

Но спорила она уже больше по привычке, ведь она уже ползла к дальнему пруду, где лягушки самые вкусные.

Содержание

Эскизы

Замёрзшие	5
Душа музыканта.....	8
Юбилей негодяя	12
Криминисцениум	17
Переезд	23
Индивидуальное правосудие	26
Короткий спор о величии.....	30
Адвокат Господа.....	32
Тысяча добродетелей	35
Подчистую.....	51
Ныряльщик	55

Про Императора

Отравитель Существования	61
Августейшая жалоба	64
Доклад о Северо-Восточном секторе	66
Месть	69
Парламент	72
Внешний враг	73
Застолье	77
Пари Императора	82
readme.txt.....	88

Истории Нескучного Городка

Кнопка Убивания Самого Плохого	93
Эквилибриум	98

Проделки древних богов

Ошибка Аполлона	111
Источник мудрости	112

Перевозчик	113
Без смысла	117
Как Шива конец света предотвратил	119
Пепел.....	120
Вдохновительница.....	127
Герой в отставке	134
Горькая правда о мухоморах.....	140

Сказки про взрослых

Еще один суд царя Соломона	143
Сказка про Чёрного Менеджера	146
Сказка о технике секса	149
Сказка о перевоплощениях или новая жизнь старого театрального анекдота.....	151

Про тот свет

Первый сон про тот свет	157
Ночь потерянного дня	158
Рычаг Всеобщей Справедливости.....	159
Конфискат	160
Курьер	161
То, что осталось от награды	162
Опоздавший	163
Уведомление.....	164
Мессия и праведники.....	166

Сказки про бабаек

Кто такие бабайки	171
Вонючая Пещера.....	173
Почему бабайки живут вместе.....	174
Как бабайки делятся	175
Охота в камышах	176
Кошачья упряжка.....	179
Доброе утро!.....	181
Двузмея	183

